

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Эшли Дьюал

#ПОЛУНОЧНАЯ БУРЯ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

#ONLINE-бестселлер

Эшли Дьюал
Полуночная буря

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дьюал Э.

Полуночная буря / Э. Дьюал — «Издательство АСТ»,
2019 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-112065-8

Век назад три королевства Калахара – Эридан, Дамнум и Вудстоун – объединились против общего врага и победили в жесточайшем сражении. Но за сто лет многое стерлось из памяти, и мир вновь оказался на пороге войны. Эльба из королевства Эридан узнает о том, что в преддверии страшной битвы ее отец заключает союз с соседним государством и ее выдают замуж за юного короля Вудстоуна. Чувствуя себя пешкой в руках правителей, Эльба отправляется навстречу неизвестности. Тем временем молодой предводитель из Дамнума Аргон видит, как его родной дом сметает свирепая буря. Аргон решает обратиться за помощью в королевство Эридан, но путешествие туда оказывается более опасным, чем он мог предположить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112065-8

© Дьюал Э., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Алман	7
Эльба	9
Аргон	19
Эльба	25
Аргон	28
Вольфман	37
Фьорд	40
Эльба	41
Ксеон	44
Аргон	52
Фьорд	59
Эльба	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эшли Дьюал

Полуночная буря

© Эшли Дьюал, 2018

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, © 2019

© Никита Доронин, карта, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Буря пришла. Прошептали ветра,
прилетевшие с края утеса.
Буря пришла. Голосил водопад
из далекой великой страны.
Небо покрылось аспидным туманом
мгновенно и лихо, без спроса.
Буря пришла, и нигде нам не скрыться,
коль мысли у бури страшны.*

ЭРИДАН

Стихия воды

Дом Атолла Полуночного

Супруга – Морейн Полуночная.

Дети – Фьорд Полуночный, Эльба Полуночная и Рия Полуночная.

Родная сестра Атолла Полуночного – Нейрис Полуночная.

Первый предок Полуночных – Ундина.

Предок, сражающийся в битве при Лаохесане Опаленном, – Лейстер Полуночный.

ВУДСТОУН

Стихия земли

Королевство Алмана Барлотомея Многолетнего

Супруга Алмана – Офелия Барлотомей из рода Унифред.

Родной брат Алмана – Вигман Барлотомей Многолетний, правитель Станхенга.

Супруга Вигмана – Милена Барлотомей из рода де Труа.

Сын Вигмана и Милены – Вольфман Барлотомей Многолетний.
Радман Барлотомей Многолетний – отец Алмана и Вигмана Барлотомеев.
Первый предок Многолетних – Дворфман.
Предок, сражающийся в битве при Лаохесане Опаленном, – Теоман Многолетний.

ДАМНУМ

Стихия воздуха

Вожак клана Утренней Зари – Эстоф с Фиэнде-Фиэль.
Супруга Эстофа – Бригида с Фиэнде-Фиэль.
Сын Эстофа и Бригиды – Аргон с Фиэнде-Фиэль.
Приемный сын Эстофа – Ксеон с Фиэнде-Фиэль.
Хуракан – мудрец и знахарь с Фиэнде-Фиэль.
Вожак клана Диких Шакалов – Ровен с Мурмонтис.
Вожак клана Черных Крыс – Нириана с Бесконечной Равнины.
Вожак клана Ночных Сов – Киган с Ибиской Возвышенности.
Первый предок – Сильф.
Предок, сражающийся в битве при Лаохесане Опаленном, – Рогир с Фиэнде-Фиэль.

ХАЛАССАН

Стихия огня

Мертвая пустыня Опаленных

Лаохесан Опаленный – сан, поднявший восстание против народов Калахара.
Иохисан Опаленный – отец Лаохесана и правитель города Хорго.
Фархад – правитель города Фера.
Первый предок – Саламандр.

Алман

В тронном зале пылали рыжие факелы. Тени от огненных языков были похожи на гремучих змей. Они карабкались по деревянным стенам, плавали по холодному полу и сводчатому потолку, ползли по шкуре убитого медведя, брошенной перед дубовым тронном. Пламя отражалось в черных глазах охотничьих псов, охраняющих покой короля, и освещало лицо самого Алмана Барлотомей Многолетнего, сына Радмана Многолетнего.

Он наблюдал за танцующим огнем, языки которого переливались кровавым багрянцем.

Двери тронного зала со скрипом отворились. Стюард в стальных доспехах подошел к королю и громко провозгласил:

– Вигман Барлотомей Многолетний, ваше...

– Впусти его.

Король Алман пренебрежительно отвернулся и сжал широкие подлокотники дубового трона. Костяшки его пальцев побелели. Он искоса взглянул на вошедшего в тронный зал младшего брата. Вигман Барлотомей остановился в центре зала, сложил перед собой руки. За его спиной захлопнулись двери.

– Ты хотел меня видеть?

Голос Алмана был холоден как лед:

– Надеялся на встречу, ведь ты давно не навещал меня, брат.

– У меня были причины, тебе о них известно.

Старший Барлотомей растянул губы в фальшивой улыбке и опустил взгляд на собственные пальцы. Ногти царапали дубовые подлокотники. Вигман невольно следил за руками брата.

– Ты здоров?

– Почему эти дикари все еще на моих землях? – Черные глаза Алмана сузились от гнева. – Ты дал мне слово.

– И я пытаюсь его выполнить.

– Пытаешься?

– Результат требует времени, – упрямо отвечал Вигман.

Лица братьев были похожи, но глаза Вигмана отливали серой дымкой, а не угольной чернотой. Младший Барлотомей перенес вес с правой ноги, которую поранил во время охоты, и расправил плечи. Облаченный в зеленые шелка и черный атласный плащ с вышитым золотыми нитями дубом, Вигман выглядел статным и грозным.

– Народ из Долины Ветров упрямый. В Дамнуме не осталось скота.

– И причем тут мои леса?

– В твоих лесах много еды.

– Но это *мои* леса, – прогремел Алман и встал с трона. – Ты, – он указал на Вигмана пальцем и пренебрежительно сморщил нос, – ты должен защищать наши земли.

– Я защищаю их.

– Вигман Барлотомей – мой главнокомандующий, а не городской шут.

– Не стоит, – попытался прервать его Вигман, но Алман пропустил его слова мимо ушей. Короткие черные волосы старшего Барлотомей отливали сединой, у губ притаились морщины. Он приблизился к брату и показался ему невероятно старым и уставшим.

– Вздор, – прошипел Алман. – Вудстоун – самое большое королевство Калахара. В Арборе родился Первый Человек. Мы не речные шуты из Эридана. Не дикари с Дамнума. Мы не мертвы, как огненные люди Халассана. И мы все равно пресмыкаемся перед всеми, будто земляные черви.

– Наши города контролируют торговлю. Наш флот контролирует южный берег. Мы контролируем Калахар.

– Я контролирую. *Мой* флот. И *мой* город. А твои воины с каменных земель не могут справиться даже с общинами мальчишек из Долины Ветров.

– Мои воины умрут за Вудстоун, – грубо отрезал Вигман и приблизился к брату почти вплотную. Они молча смотрели друг на друга.

От каменных плит под ногами тянуло холодом. Когда-то давно в этом зале сидел Радман Многолетний, а двое его сыновей дружно разглядывали шкуры убитых им животных, привезенных с охоты. Много воды утекло с тех пор...

– Ты дал мне слово, – повторил Алман Барлотомей.

– Мне нужно время.

– Его больше нет.

Вигман нахмурил черные брови и отступил назад. Что-то было не так. От Алмана исходил странный холод, который исходит от земли, скованной вечной мерзлотой.

Вигман стиснул челюсти:

– Я не понимаю тебя, брат.

– Ты потерял мое доверие.

– Осторожнее...

– Ты мне больше не нужен.

– Не нужен? Я Вигман Барлотомей Многолетний, сын Радмана Многолетнего, глава Станхенга. Военачальник целого войска Каменных Сердец! Это *моя* земля и *мой* народ!

– Когда-то ты был великим воином.

– Когда-то ты был великим королем!

Алман Барлотомей зло прищурился. Смертельный яд забурлил в его венах, в глазах полыхнули яростные искры. Оскорбленный Вигман стоял неподвижно и с вызовом смотрел на брата.

Внезапно в руке Алмана появился нож. Возможно, он и сам не понял, как обхватил огрубевшей ладонью холодную рукоять клинка. Алман Барлотомей вонзил лезвие в сердце когда-то любимого брата и зашипел, будто дикий зверь:

– Я великий король.

Вигман инстинктивно схватился за плечи брата и с ужасом посмотрел в его аспидно-черные глаза. Перед ним стоял чужак. Безумец. Он скалился и рычал, пока жизнь медленно уходила из тела Вигмана.

– Король, – Алман вонзил клинок глубже, – *твой* король.

Он резко отступил назад. Лезвие плавно вышло из груди Вигмана, кровь полилась на зеленый бархат и каменные плиты, и он рухнул на пол, не издав ни единого звука.

– Ты сделал это, – прошептал женский голос, и Алман резко обернулся.

У дверей стояла его жена – Офелия Барлотомей из рода Уинифред. Она с недоумением смотрела на лужу багровой крови, растекающейся по серым стыкам.

Внезапно в окна тронного зала ворвался свирепый порыв ветра. Огонь в факелах потух, но затем вспыхнул вновь рыжими столбами. Раздался оглушительный грохот.

Каменная плита под телом Вигмана Барлотомея раскололась на несколько частей, и земли Вудстоуна содрогнулись с такой силой, что покрылись гигантскими трещинами, словно дьявольской паутиной.

Алман отступил назад и обесумевшим взглядом посмотрел на бушующее пламя, ревущее как зверь. Огненная стихия проснулась после долгой спячки.

Клятва была нарушена.

Эльба

Бурлящие потоки воды с оглушающим грохотом падали вниз и сливались с океаном. О красоте бухты Дор-Валхерен ходили легенды. В утренний зной прохлада океана освежала кожу, а вечером вода превращалась в черную бездну, на поверхности которой появлялась серебристая лунная дорога.

На берегу в окружении семи гигантских водопадов и витиеватых речных хвостов находилось поселение речных людей, верующих в то, что нет ничего более красивого, чем капли воды, падающие с неба. Это поселение было центром дома Эридан – дома Атолла Полуночного, сына Схельды и Мальстрема Полуночного. Семь водопадов сливались в один бурлящий массив, а в центре, под потоками белой воды, стоял величественный замок, высеченный из черного горного камня. Из-под него вырывались гигантские струи воды, врезавшиеся в реку с оглушительным шумом. К замку вели широкие каменные ступени, а к ним – два деревянных моста через реку.

Перед воротами располагалось шаманское поселение, в котором на рассвете и на закате звучало пение селянок, провожающих мужчин за добычей и плетущих рыбацкие сети. Их голоса сливались с шумом воды и разносились по окрестностям вместе с ветром:

*Народ у реки упрям и опасен,
В глазах его кроются жизни истоки.
Одним лишь ударом природы всевластной
Способны забрать вас с собою потоки.
Одно лишь мгновение, и мир замирает,
Предчувствуя ливня горячую стужу.
Не бойся, народ у реки не стреляет,
Пока сила моря – властитель над сушей.*

На берегу океана, встав коленями на мокрые камни, стирали одежду женщины. В плетеных корзинах лежали разноцветные ткани, а прибой окрашивался в темно-коричневый и черный цвета.

Неожиданно к селянкам подбежала молодая девушка. Она присела на камни рядом с одной из них и сказала:

– Как я устала!

Нейрис Полуночная, родная сестра Атолла Полуночного, вождя Эридана, взглянула на племянницу и изогнула черную бровь.

– Что же тебя так утомило?

– Фьорд никогда не научится меня слушать.

– Он и не должен тебя слушать. – Нейрис подняла потяжелевшую мокрую рубаху и вновь окунула ее в воду. – Фьорд твой брат, а не прислуга.

– Он просто невыносим. – Эльба подняла глаза к небу и провела кончиками пальцев по шероховатому камню. Капельки воды поблескивали на нем, точно алмазы. – Вы с отцом не ссоритесь. Ты злишься на него?

– Почему я должна на него злиться?

– Он говорит тебе, что делать.

– Он мой вождь. И только потом мой брат.

Эльба сморщила нос. Разве должна она прислушиваться к брату лишь потому, что он старше ее на несколько лет? Он не бежит так же быстро, как она. Не забирается на скалы так же быстро, как она. Не плавает так же быстро, как она. Единственное, что Фьорд сумел сделать

быстрее Эльбы, – это родиться на свет. Она любила своего брата, но жутко злилась, когда он не воспринимал ее всерьез и смеялся над тем, что она всего лишь девчонка. А делал он это постоянно.

Эльба заправила за ухо выбившуюся прядь. Неожиданно порыв ветра пронесся над головой, вновь распушив ее волосы и взметнув подол широкого платья. Эльба скользнула взглядом по горизонту и блуждающим гребням волн, а затем обернулась. Там, вдалеке, в окружении белой дымки виднелись каменные пики ее родного дома, замка Дор-Валхерен. Эльба вернулась бы домой, но не желала встречаться с Фьордом, который вновь посмеется над ней и расскажет всем о том, как она вернулась, не поймав ни одной рыбешки.

– Раз уж пришла – помогай, – внезапно сказала Нейрис и передала Эльбе несколько тяжелых льняных платьев. Девушка качнулась назад, едва не рухнув с камня, а Нейрис подкинула ей еще юбок и снисходительно улыбнулась. – Ничего, милая. Пусть эта ноша будет самой тяжелой в твоей жизни.

Эльба бросила мокрые тряпки в корзину и провела тыльной стороной ладони по лицу, как вдруг раздался сильнейший грохот. Она резко выпрямилась и уставилась на водопады. Там с громкими криками взметнулись в небо десятки птиц. Земля задрожала под ногами. Вода в бухте покрылась крупной рябью, словно под ней затряслось морское дно. Эльба перевела испуганный взгляд на Нейрис и увидела в ее глазах первобытный ужас.

– Что это? – спросила какая-то женщина, указывая на океан. – Что это там?

Эльба прищурилась. Она готова была поклясться, что водопады перестали шуметь, а волны – хлестать о скалы. Бухта Дор-Валхерен застыла. Размытая темная полоса возникла над линией горизонта. Эльба в недоумении наклонила голову, присмотрелась и почувствовала, как внутри все сжалось. Она вскочила на ноги и прошептала:

– Это волна.

– Что?

– Волна! – Эльба в ужасе схватилась за руку тети и потянула ее к себе. Корзина с одеждой перевернулась. Вода отошла от прибрежных камней и заскользила к гигантскому лазурному валу, надвигающемуся на Эридан, словно упряжка морских коней. – Уходите!

Толпа взорвалась криком. Женщины кинулись вон от берега, а Эльба вновь закричала:

– Уходите скорее!

Нейрис сорвалась с места и потащила за собой племянницу, но та никак не могла оторвать глаз от синей стены, приближающейся к бухте. Она смотрела в лицо ужасу. У него не было глаз, но он тоже смотрел на нее, у него не было языка, но он говорил с ней. В ее самых жутких ночных кошмарах небо не было таким голубым, а солнце таким теплым. В ее кошмарах было темно и тихо, но сейчас стоял нечеловеческий грохот. Люди кричали, а земля под их ногами раскалывалась, покрываясь мелкими трещинами. Они падали и поднимались, бежали и снова падали. Нейрис пыталась протолкаться вперед, но узкие улицы Дор-Валхерена были заполнены обезумевшим людским потоком, покрываемым желтой пылью. Она в панике обернулась и увидела смертоносную волну почти у берега Дор-Валхерена.

– Быстрее, Эльба! – взмолилась Нейрис, сжимая руку племянницы. – Быстрее!

Сердце вырывалось из груди. Эльбу толкали из стороны в сторону, истошный женский крик стоял в ушах. Ноги заплетались, путаясь в брошенных сетях. В глубине души Эльба понимала, что боги покинули их. Она, хрипло дыша, окинула безумным взглядом орущую толпу и побежала вперед.

Внезапно она заметила знакомый силуэт на одной из прибрежных скал. Маленькая фигурка пыталась вскарабкаться на вершину водопада, но скатывалась вниз. Ее слабые руки не могли удержаться, а ноги скользили по мокрым камням.

– Рия, – прошептала Эльба и в ужасе распахнула глаза. – Рия!

Она выпустила руку тетушки и бросилась в сторону. Нейрис завопила, словно дикое животное, потерявшее своего детеныша. Она попыталась кинуться за Эльбой, но обезумевшая толпа несла ее к горному замку, будто поток рассвирепевшей реки. Нейрис кричала, а Эльба бежала со всех ног к маленькой сестре. Она видела, как Рия скатывается вниз и камни падают из-под ее ног в морскую бездну.

Эльбу толкали со всех сторон, ее волосы постоянно цеплялись за чью-то одежду или руки. Она, как змея, шипела и извивалась среди чужих тел, пытаясь пробиться к водопаду, но внезапно упала. Толпа потащила ее по пыльной дороге. Эльба ударилась лицом о землю и зажмурилась от боли. Топот сотен ног гремел в ушах. Девушка закрыла уши руками и, крича от бессилия, попыталась встать, но снова упала. Слабая и перепуганная, она хватала ртом горячий воздух и пыталась рассмотреть сестру за фигурами пробегающих людей. Эльба зарычала от злости и попыталась встать на ноги, но снова получила удар по лицу. Перед глазами взорвались тысячи звезд, она покачнулась, однако все же сумела удержать равновесие. Девушка помотала головой, пытаясь прийти в себя, и вновь кинулась к водопаду.

Гигантская волна создавала чудовищный гул. Эльба запрыгнула на выступающий камень, подтянулась и поползла вверх по скале, громко дыша. В груди словно горел пожар, пальцы предательски дрожали, но Эльба продолжала карабкаться вверх. Она оказалась у верха водопада в считанные минуты, подбежала к выступу скалы и упала на колени перед обрывом. Там, за двумя каменными пролетами, на одном из уступов стояла ее сестра. Рия подняла на нее перепуганные глаза и заплакала в голос.

– Я здесь, – горячо воскликнула Эльба. Она спустилась вниз по прочной лиане и спрыгнула, приземлившись на корточки рядом с сестрой.

Рия порывисто обняла ее, но Эльба, не мешкая, подтолкнула сестру к выступу:

– Забирайся. Живее!

Океан грохотал сродни грозе. Сестры карабкались вверх по скале, а под водопадом неслись перепуганные люди. Горный замок не смог бы защитить их от гнева Пифии. Но люди думали, что морская богиня не причинит им вреда, и бежали к своей святыне.

Эльба забралась наверх и помогла Рие. Они остановились у самого края и посмотрели на водную толщу, обрушившуюся на Дор-Валхерен.

Волна поглотила берег, словно синяя бурлящая лава, и направилась к поселению. Люди сбивали друг друга с ног, кричали и плакали, но боги не вмешивались. Эльба видела, как под белой пеной исчезал народ ее отца. Волна приближалась к возвышенности, на которой стояли они с Рией. Эльба была уверена, что смертоносный поток воды не доберется до них, но сердце у нее сжалось.

– Не смотри, – приказала она дрожащим голосом и крепче обняла сестру.

Бежать было некуда, разве что спускаться вниз. Девушка взглянула в лицо стихии: бездна отразилась в ее голубых глазах и внезапно... застыла.

Огромная водная толща остановилась, будто врезалась в гигантскую прозрачную стену. Капли воды обрушились на сестер и улетели прочь, подхваченные буйным ветром. Эльба ошеломленно посмотрела вниз и увидела отца.

Атолл Полуночный стоял перед волной со вскинутыми к небу руками. Его губы шептали обращения к Белой Пифии, глаза были закрыты, а плечи вздрагивали в такт водным раскатам. Океан слушался его. Атолл произносил слова все громче и четче, руки его тянулись все выше и выше. Безумные порывы ветра пытались сбить его с ног, но он стоял ровно и непоколебимо.

– Вакан Танкэ, он схимила йя те ван вахин ха! – прогремел Атолл и открыл глаза. Он взглянул на океан, его челюсти сжались. Кровавая капля скатилась по его лицу и упала на пыльную землю. – Вакан Танкэ, он схимила йя те ван вахин ха! Ван вахин ха!

Синяя стена начала уменьшаться. Атолл сделал шаг вперед. Его губы вновь зашептали слова на древнем языке, и Эльба в растерянности нахмурила лоб. Она не знала мертвого языка.

На нем разговаривал только ее отец. Когда она спрашивала, кто научил его общаться с духами, он отвечал – Морана.

В землях Калахара люди так называли смерть.

– Отец... – Эльба проследила за тем, как морское чудовище возвращалось в океан, и решительно шагнула вперед. Она потянула за собой сестру и принялась спускаться вниз по острым неровным скалам.

Атолл Полуночный рухнул на колени, как только вода покинула Дор-Валхерен. Он оперся ладонями о мокрую землю, устало прикрыл глаза и прислушался к привычному рокоту падающей воды и журчанию пресноводных ручьев. Восстание родной стихии породило в его душе немалый страх. Речные люди служили Пифии и преклонялись перед морской богиней, но сегодня она наказала их. Вождь Эридана боялся ответов, ведь они сулили большую беду.

– Атэ... – зашептала за его спиной толпа. Когда-то он сам рассказал им о значении этого слова. Люди подняли вождя с колен и протянули к нему свои руки. – Атэ.

– Атэ!

– Наш отец.

Атолл утер кровь с подбородка, посмотрел на разрушенные дома и лодки у берега и почувствовал себя совершенно разбитым. Он не смог спасти всех.

Он был отцом для тех, кто выжил, и предателем для тех, кто умер.

Неожиданно сквозь толпу к нему прорвались дочери. Рия расплакалась, вцепившись в его мокрые руки, а Эльба остановилась напротив. Его старшая дочь разговаривала с ним так же, как ее мать, – взглядом.

– Вы целы, – сказал Атолл хриплым голосом. – Где Фьорд?

– Я не видела его.

– Не видела... – Он обвел людей тревожным взглядом и поправил льняную накидку. – Я буду ждать вас в Большом зале. Нейрис?

Нейрис вышла вперед. Ее светлое платье было разорвано до самых бедер, а на лице виднелись свежие царапины. Атолл коснулся пальцами ее ран и отвернулся.

– Собери людей и помоги пострадавшим. Я хочу знать, кого мы потеряли.

Он еще раз обнял Рию и вновь посмотрел на Эльбу. В его серых глазах вспыхнуло беспокойство.

– Отыщи Фьорда. Вы нужны мне.

* * *

В Большом зале собрались старейшины всего Дор-Валхерена. Старики в льняных плащах окружили Атолла Полуночного, восседавшего на троне, похожем на открытую пасть речной змеи. На ее раздвоенном каменном языке сидел вождь, а два ее огромных глаза наблюдали за всеми собравшимися, словно всевидящее око.

Эльба стояла рядом с братом. Фьорд был выше ее на две головы. Его короткие, черные, как у отца, волосы местами были седыми. В роду Полуночных мужчины рано седели, будто им рано приходилось взрослеть. Фьорд угрюмо посмотрел на сестру и вновь перевел взгляд на отца. Ему не понравилось, что Эльбу пустили на заседание совета. По его мнению, женщинам незачем заниматься делами государства.

Но отец с ним не согласился.

– Это всеобщая напасть! – громко провозгласил Атолл Полуночный, и в зале стало тихо. От каменных стен эхом отдавались раскаты падающей воды, стоял полумрак. Черные стены, словно застывшая лава, уходили в потолок и сливались в единый острый купол.

Атолл поднялся с трона. Он выглядел изнуренным и усталым.

– Мы разгневали богов, и Пифия наказала нас.

– Рыбы в водоемах стало меньше, – пролепетал старик в синем балахоне и подошел к вождю. – Богиня предупреждала нас, но мы не слушали.

– Рыбы в водоемах столько же, сколько и было.

– Обвиняешь меня во лжи, Оронт?

– А ты что, рыб пересчитывал, Изар?

– Мы давно не получали вестей с Востока, – вмешался старший сын главного визиря. Его отец еле ходил, борясь со старостью, и потому он посещал заседания вместо него.

– Восток давно интересуется только Востоком! Вудстоуну нет дела до Эридана. А значит, и Эридану нет дела до Вудстоуна.

– Боги наказали бы тебя за такие изречения, Оронт.

– Я верен Пифии, а не гордецу Алману Многолетнему. За это меня надо наказывать?

В Большом зале вновь поднялся шум голосов разгневанных старейшин, и Атолл хлопнул в ладони. Все замолчали и уставились на него. Из его носа потекла кровь. Эльба шагнула вперед, но Фьорд остановил ее.

– Не позорь отца, – отрывисто бросил он. Его черные брови сошлись на переносице. – Сейчас он вождь Эридана, а не твой отец.

– Ему плохо.

– Отец справится.

– Я должна принести чистый платок.

– Ты должна слушать его, – едва слышно сказал Фьорд, – раз уж тебя пустили.

Эльба возмущенно посмотрела на брата и отвернулась. Ее руки сжались в кулаки. Она приказала себе успокоиться, но все равно отчаянно злилась и не понимала, отчего Фьорд так относится к ней. Исподлобья она следила, как на лице отца появилось задумчивое выражение, как он медленно вернулся на трон. Атолл положил широкие ладони на каменные острые змеиные клыки.

– Сегодня вечером мы обратимся к богам за помощью. – Его тон не допускал возражений. – Боги укажут на избранного, и избранный отправится в Черные Топи за советом Змеиных жриц.

«Рифтовые Болота», – подумала Эльба и растерянно вскинула подбородок.

По залу пронесся встревоженный шепот. Перепуганные селяне, казалось, даже отшатнулись от вождя после его слов.

С Черной Топи никто не возвращался прежним человеком. Жрицы требовали плату, высокую плату. Однажды боги выбрали маленькую Тэису. Ей предстояло спросить совета о течении Лазурного океана: рыба ушла из-за того, что вода стала невероятно холодной. Змеиные жрицы велели провести ритуал подношения богу солнца. Через несколько дней рыба вернулась в Дор-Валхерен. Но Тэиса лишилась возможности иметь потомство – Змеиные жрицы прокляли ее род.

Змеиными жрицами становились женщины королевской крови из рода Полуночных. Когда они умирали, их относили в Черные Топи, где они перерождались в черных ведьм.

Мать Фьорда, Эльбы и Рии тоже была там. Она умерла, рожая третьего ребенка.

– Вы можете идти, – провозгласил Атолл и махнул рукой.

Старейшины направились к выходу.

– Фьорд, Эльба! – Брат и сестра остановились перед нефритовой стеной. – Оставайтесь.

Фьорд подошел к отцу первым. Он решительным шагом пересек темный холодный тронный зал, опустился на одно колено и преклонил голову. Этот спектакль заставил Эльбу закапать глаза. Она скрестила на груди руки и медленно побрела к отцу.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она у отца и искоса взглянула на брата. – Вставай уже, рыцарь. Сейчас он твой отец, а не вождь.

Фьорд оценил насмешку сестры, но не улыбнулся. Только когда за последним старцем закрылась дверь, он поднялся с колена и выпрямил широкую спину.

– Вот теперь Атолл – мой отец.

– Прекратите, – Атолл угрюмо прищурился, – возможно, Пифия наказала нас за ваши споры. Ты ее брат, а она твоя сестра. Это не изменится. Это единственное, что важно в вашей жизни.

Эльба пристыженно опустила взгляд в пол, а Фьорд виновато нахмурился. Он всегда хмурил лоб, когда хотел извиниться, но не мог признать своей ошибки. Этому Фьорд научил и Рию. Она постоянно строила из себя страдальцу, когда нужно было отвечать за свои поступки. Эльба расправила плечи и направилась к огромной расщелине, из которой лилась ледяная горная вода. Там она нашла небольшой кусок ткани.

– Ты сильно устал, – прошептала она, выжимая тряпку.

– Устал.

– Ты спас нас всех, – пылко сказал Фьорд и с гордостью посмотрел на отца. Всю жизнь он хотел лишь одного – не стать для него разочарованием.

– Я спас не всех. В этом и проблема, Фьорд. Магия уберегла нас лишь частично.

– Только не надо винить себя, – возмутилась Эльба и промокнула подбородок отца. – Морана приходит за всеми, ее нельзя победить.

– Мы и не должны победить смерть. Мы должны ее предотвратить. Заметили ли вы что-то странное, что не случалось раньше?

– Я не знаю, отец.

– Я вчера проснулся посреди ночи от голоса вашей матери. – Атолл поднялся с трона и задумчиво спустился по трем каменным ступеням. – Она велела мне попрощаться.

– С кем? – не поняла Эльба.

– Не знаю. Она предрекла большие перемены и исчезла, едва я открыл глаза.

– Духи опять говорили с тобой. Мне они не докучают советами.

– А ты разве готов их слушать? – Атолл криво улыбнулся и похлопал Фьорда по плечу. – В вас течет моя кровь. А значит, вы тоже связаны с духами водной стихии. Вы скоро научитесь контролировать свои способности. Я впервые понял воду, когда чуть не утонул.

– Да, – протянула Эльба, – мы помним эту историю.

– И мы послушаем ее еще раз, – с нажимом процедил брат, метнув в сторону сестры недовольный взгляд, – если ты захочешь.

– Нет. – Атолл утомленно покачал головой, направляясь к выходу. – Помогите Нейрис, найдите еще целителей и предоставьте кров в замке тем, кто лишился жилья.

Фьорд проследил взглядом за тем, как вождь Эридана покинул зал, и собирался последовать за ним, однако едва он двинулся вперед, его окликнула Эльба.

– Спасибо.

Фьорд повернулся к сестре и недоуменно вскинул брови:

– За что на этот раз?

– Ты не рассказал отцу о том, как я опозорилась на рыбалке.

– И к чему ему об этом знать? Думаешь, речной вождь обрадуется, когда узнает, что его дочь не в состоянии рыбу поймать? У него сейчас и без того дел хватает.

– Почему ты злишься на меня? – возмутилась Эльба и пронзила брата обиженным взглядом. Этот взгляд отец называл немой стрелой. Эльба могла смотреть так, что хотелось провалиться сквозь землю, даже если ты не считал себя виноватым.

– Я на тебя не злюсь, – небрежно бросил Фьорд и направился к выходу.

– Злишься.

– Нет.

– Я что-то не то сделала или сказала? – не унималась Эльба, идя за братом.

Они вышли из зала и начали спускаться по витиеватой лестнице. Фьорд не смотрел на Эльбу, и это злило ее еще больше. Она попыталась обогнать его, но поскользнулась и едва не покатилась вниз. Эльба вскрикнула, но Фьорд тут же ее поймал.

В его глазах отразилась вселенская усталость, как будто ему уже надоело хватать ее за руку каждый раз, когда она оступается. Но Эльба редко оступалась. И это раздражало и пугало Фьорда еще сильнее.

– Смотри под ноги.

– Я случайно.

– Ты ведешь себя как капризная девчонка. Я не злюсь на тебя, я устал и мне страшно от мысли, что у замка лежат мертвые люди, что некоторых поглотил океан. Тебе нет до этого никакого дела?

– Конечно же, мне есть дело.

– Тогда прекрати задавать вопросы. И сделай то, что велел отец.

Фьорд отпустил ее локоть и продолжил спускаться по лестнице, а у Эльбы перехватило дыхание. Она обиженно отвернулась и прикрыла глаза, не понимая, что происходит с Фьордом и отчего она чувствует себя так одиноко.

Фьорд вырвался на улицу и распахнул ворот льняной рубахи. Он прошел по мосту к поселению и увидел вдалеке тетю Нейрис в испачканном кровью одеянии.

На самом деле он злился на Эльбу. Он не хотел это признавать, но он не любил ее воинственный взгляд и упрямый нрав. Он должен был защищать семью вместе с отцом, а она постоянно оказывалась рядом и всюду совала нос. Из-за нее ему приходилось в два раза больше работать, в сотни раз сильнее стараться. Она ведь всего лишь девчонка, но соревноваться с ней было крайне сложно. Иногда отец так смотрел на нее, словно видел в ней достойную замену, и Фьорд ощущал себя ненужным, неправильным. Он знал, что у него прекрасная сестра, которая сумеет преодолеть любые препятствия, которая защитит свой народ. Вот только это была его ответственность и его долг как старшего сына. А не самой красивой девушки Эридана. А возможно, и всего Калахара.

Фьорд направился к Нейрис, сбросив с плеч плотную накидку.

Возможно, когда-нибудь он перестанет злиться. Он сменит Атоллу на троне, а Эльба станет его верным соратником. Фьорд ждал этих дней, ведь не любить свою кровь – ужасное преступление. Он хотел успокоиться и надеялся, что однажды посмотрит на сестру без тени злости или зависти.

* * *

Кровавый закат озарил разрушенное поселение Дор-Валхерена. Пустые дома. Сети, брошенные на неровной дороге. Размытый берег. Уже больше пятидесяти лет природные катаклизмы не беспокоили Эридан. Пифия благословляла народ пищей и кровом. Но теперь привычный порядок вещей был нарушен и мирному существованию пришел конец. По крайней мере, так думал Атолл Полуночный, преклонив колени перед солнцем и обратившись к Белой Пифии с вечерней молитвой. Он знал: прямо сейчас народ Эридана взывал к богам, надеясь получить ответ. А еще он знал, что боги не ответят. Не сегодня. Вечерняя молитва впервые за долгую жизнь Атоллу принесла тревогу вместо успокоения. Он поднялся с колен и направился к ритуальному кругу. Руки у него стали совсем холодными, тело била дрожь. Речной вождь говорил себе, что дело в слабости, но в глубине души понимал, что грядет нечто опасное, ведь его сердце чуяло беду.

Под грохот водопадов он приблизился к толпе, собравшейся возле реки Эридан. Люди тянули руки к звездам, уже появившимся на небе. Языки пламени извивались и рычали будто живые. Никогда прежде Атолл не видел такого буйного огня. Женщины и мужчины танцевали

вокруг него и вытирали слезы, прощаясь с теми, кто больше не услышит грохота водопада и шума дождя. Морской зверь забрал в свои глубины шестнадцать человек, и Атолл знал, что теперь он не сможет уснуть шестнадцать ночей.

– Мы собрались здесь, чтобы просить совета у Белой Пифии, – провозгласил он. Люди выстроились в несколько линий. Повисла тишина, которую нарушали лишь треск гигантского костра и шум прибоя.

Худенькая и нескладная Рия подбежала к старшей сестре. Она считала, что Эльба – самая прекрасная девушка Калахара, а Фьорд – самый сильный человек Эридана, но не хотела становиться похожей ни на кого из них. Она избрала свой путь, хотела многое узнать, многое увидеть. Недавно ей исполнилось одиннадцать, а она уже прочла все книги в библиотеке Дор-Валхерена. Рия наизусть их выучила. Она не расставалась со старыми писаниями из замка, изучала записи визирей и старейшин. Под рукой у нее всегда был клочок пергамента, но отец не разрешал приносить его на ритуальный круг.

– Миниа, чан, тате, анпету. Топа кса, уанжи ти. – Ветер усиливал тихий голос Атолла. В его глазах отражались языки пламени. На шее вождя висело тяжелое ожерелье, сделанное из костей животных. – Вода, земля, воздух и огонь. Четыре мудрости, но одна жизнь. Мы связаны между собой, как день и ночь.

– Отец цитирует третье писание Книги жрецов, – шепнула Рия, посмотрев на сестру. Эльба перевела на нее любопытный взгляд, и Рия поспешила ответить на еще не прозвучавший вопрос: – Нет, я не была в запретной секции.

– Но Книгу жрецов могут читать только старейшины.

– Книгу друидов, если говорить точнее.

– Рия...

– Что? – Маленькая темноволосая девочка нахмурилась и вскинула подбородок. – Он не запрещал мне.

– Потому что ты не спрашивала разрешения.

– К чему мне вообще разрешение, чтобы почитать книгу? В Ордэте всем дозволено пользоваться библиотекой. Даже женщинам.

– Ордэт далеко. – Эльба посмотрела на отца, серый плащ которого лениво развеивался по ветру. – Мы с тобой здесь, значит, и жить нужно по здешним правилам.

В последнее время Эльба ходила грустная. Рия пыталась выяснить, что случилось, у Фьорда, но тот упрямо молчал.

«Любые невзгоды можно разрешить, придя за советом к близкому. Если невзгоды не разрешаются, значит, тебе не к кому приходить. Значит, ты одинок».

Так говорил отец.

– Боги укажут избранного, который отправится в Черные Топи... – Атолл взмахнул руками, и в сумраке его глаза показались чернее ночи. – Добровольцы, подойдите к костру.

Долг велел Фьорду и Эльбе выступить первыми. Они встали рядом и взялись за руки. Через мгновение к ним подошли десятки женщин и мужчин. Добровольцы сжимали ладони друг друга и молчали, вглядываясь в красную огненную сердцевину. Внезапно в небе вспыхнула молния. Атолл ударил руками о колени, закрыв глаза. Толпа повторила его движение и зашептала: «Топа кса, уанжи ти».

– Топа кса, уанжи ти, – в унисон проговорили Эльба с Фьордом и резко откинули головы назад. Их спины неестественно изогнулись, глаза закатились.

С неба упали первые дождевые капли, и добровольцы отпрянули от костра, опустив плечи и закрыв ладонями лица. Раздались глухие удары барабанов.

Речные люди Эридана верили, что в каждом человеке живет душа животного. Она давала силу в трудные времена. Воссоединение с душой зверя происходило во время ритуального танца. Человеческие эмоции, желания и мечты покидали тело, и проявлялся истинный облик.

Одна из женщин зарычала, словно рысь. Фьорд развел в стороны руки, словно птица. А внутри Эльбы жила змея, и она плавно извивалась, не произнося ни слова, лишь шипя сквозь зубы.

Босые ноги топтали рыхлую землю. Барабаны звучали все громче. Небо осветила яркая молния, и на землю обрушился ливень. Поднялся ветер. Костер затухал, а добровольцы набирались сил. Вместо глаз виднелись белые глазные яблоки. Люди кружились, будто в трансе, возле стихающего огня, и повторяли:

– Топа кса, уанжи ти.

Эльба тоже кружилась под порывами ветра. Ее черные густые волосы падали на лицо. Она танцевала на носочках, легкая и почти невесомая, подобная перу. Толпа не могла оторвать от нее глаз. Мужчины желали Эльбу. Женщины восхищались ею. Природная красота и кровь вождей. Эльба Полуночная была такой же прекрасной, как и бухта Дор-Валхерен, о которой слагали песни.

*В страну богов один лишь путь: опасный, беспощадный.
Как тигр смертоносным будь, как ястреб – кровожадным.
Но если кровь твоя грязна, не будешь ты достоин
Святою поступью пройти. И смерть отыщешь вскоре.*

Костер внезапно потух. Дождь прекратился. Добровольцы упали на колени. Атолл затаил дыхание, наблюдая за тем, как вода впитывается в почву. Совсем скоро она вновь показалась на поверхности и образовала небольшую лужицу. Прозрачные ручейки потекли к добровольцам, словно лучи солнца. Они ползли по земле, а глаза людей становились шире.

Ручейки воды остановились. Все. Кроме одного.

Он продолжал бежать по земле, поблескивая в тусклом свете, пока не достиг своей цели. Эльба в растерянности распахнула глаза и увидела, как вода касается ее руки.

Толпа взорвалась дикими возгласами. Вновь раздались оглушительные удары бубна. К Эльбе подбежали люди, обступили со всех сторон и подняли ее на руки.

У Атоллы сжалось сердце. Он наблюдал за тем, как шаманы перерезают горло молодому ягненку над головой его дочери и алая кровь льется по ее бледной коже.

– Нет, – испуганно зашептала Рия. Она кинулась вперед, но не сумела прорваться к центру круга. – Подождите, стойте!

С Черной Топи человек не возвращается прежним. Он может и вовсе не вернуться! Рия металась между старейшинами, но ее не пускали. Она в панике понеслась к брату.

– Они уводят ее!

– Так нужно.

– Но это опасно!

Фьорд не знал что сказать и не понимал, что пугало его сильнее: то, что Пифия выбрала Эльбу, или зоклечения, через которые ей предстояло пройти в логове жриц.

– Так нужно, – лишь повторил он.

Его сестру уносили все дальше. В воздухе появился солоноватый металлический запах. Фьорд с ужасом наблюдал за происходящим и понятия не имел, что делать. Он обязан защищать своих родных, но что если риску их подвергали сами боги? Мог ли он бросать вызов богам?

Эльба в оцепенении глядела на темное небо. Там появлялось все больше звезд. Люди несли ее на руках вперед, по губам скатывалась теплая кровь животного. Все ее существо заполнил невообразимый шум, и Эльба зажмурилась, испугавшись так сильно, что перехватило дыхание. Она не должна плакать. Долг велел ей оставаться смелой, смелой, смелой! Но сердце велело броситься в объятия отца. Эльба прикрыла руками лицо и невольно прислушалась к

голосу матери, к тому призрачному воспоминанию, что еще осталось в ее мыслях. Она услышала, как мама поет колыбельную, и провалилась в давно минувшие грезы.

До Рифтовых Болот было рукой подать, но, когда перед глазами плыло лишь черное небо, путь казался бесконечным. Люди выкрикивали имя Эльбы, провожая ее к жрицам. Звучали песни, крики и молитвы. Знакомые раскаты водопада утихли. Они уходили все дальше от дома и приближались к самому опасному месту Калахара. Кто-то не верил в магию, кто-то не верил в черных ведьм. Но все равно ни один смертный не решался приблизиться к Черной Топи, потому что слышал страшные легенды о ней. От многих можно было услышать: *«Не засытай с открытым ртом, а то змея из Черной Топи заползет внутрь»*.

Наконец-то Эльбу поставили на ноги. Она почти не чувствовала собственного тела, но ее поддерживали крепкие руки. Атолл Полуночный присел перед дочерью на колени.

– Боги выбрали тебя, – пылко сказал он и вдруг замолчал. Люди затихли. Эльба так смотрела на отца, что у него разрывалось сердце. Он знал, что она никогда не признается, как ей страшно, но видел в ее глазах неистовый ужас. – Узнай, что нам грозит, и возвращайся.

Эльба кивнула, наклонилась к вождю, и Атолл поцеловал ее в лоб. Она утерла кровь с подбородка, обернулась и посмотрела на арку из колючих черных лиан. Она не знала, что ожидает ее по ту сторону реки, но пошла вперед. Толпа снова закричала ее имя, и ветер унес его к берегу океана. Там было его место, и Эльба верила, что именно там его будут произносить после ее смерти.

Черные лианы зашуршали за ее спиной. Эльба порывисто обернулась и увидела, как проход зарастает колючими ветвями. Она в последний раз посмотрела отцу в глаза. Широкоплечий и такой разбитый, он провожал ее взглядом и не шевелился. Эльба закрыла глаза всего на мгновение, а потом повернулась, судорожно вздохнула и ступила в болота.

Аргон

Трое солдат остановились около шатра с провизией. Один воткнул копье в рыхлую землю, другой вытянул из-за пояса длинный клинок. Третий облокотился на телегу с бочками с пресной водой.

– Эти дикари разгуливают по округе, – проскрипел самый высокий из них. Его лицо, как и у других, было скрыто сверкающим шлемом, на плечах поблескивали серебряные латы, а туловище защищала прочная броня. В лагере Каменных Сердец не особо любили разговаривать о летающих людях, предпочитая мешать с грязью.

– Лучше бы они своих девок обхаживали, как гигантских тупоголовых птиц, а не к нам совались.

– Они и обхаживают! Еще как!

– Слышал, у них одну женщину сразу несколько мужчин иметь может. – Солдат так приснул со смеху, что едва не поперхнулся. – Они у них наездницы что надо.

– Если приспичило – выбирай любую.

– Эй, Гаррет! – окликнул он солдата из соседней палатки и махнул рукой. – У тебя брат поймал одну дикарку из Долины, верно?

– Верно! – протянул в ответ Гаррет.

Вокруг лагеря стояли многовековые дубы, высокие и неприступные. Пышные ветви не пропускали солнечные лучи вниз, и оттого свет казался мягко-зеленоватым, а не желтым.

– И какая она на вкус?

– Не первой свежести!

Мужчины вновь разразились хохотом. Самый высокий снял шлем, кинул его на сваленные шкуры зверей и почесал почерневшими пальцами бороду. Она у него вилась как баранья шерсть. В лесах Вудстоуна стоял гогот солдат, топот их ботинок и лязг отточенных мечей. Лагерь Каменных Сердец защищал границы своего государства, однако их главнокомандующего Вигмана Барлотомея на месте не было.

– Осгод насаживает их головы на пики, – ковыряясь в зубах, подметил солдат.

– Да ты вживую этого верзилу даже не видел. Откуда знаешь?

– А зачем видеть? Люди говорят.

– Люди много говорят, – вмешался третий.

– Осгод Беренгарий – правая рука Алмана Барлотомея. Он его крестная фея, любые желания исполняет. Говорят, у него ручищи такие же большие, как львиные лапы!

– И кто, интересно, измерял его ручищи?

– Наверное, тот счастливчик, которому повезло измерить львиные лапы.

– Да заткнитесь вы оба, – заворчал солдат, – если бы Осгод был в нашем отряде, мы бы не торчали уже вторую неделю в этом треклятом лесу, питаюсь белками. Меня уже от них воротит! Катитесь оба в Тартар!

– Ну что ты разорался, Лагот?

– Я не...

Внезапно зазвучал сигнальный рог. Солдаты одновременно обернулись и увидели, как все кинулись к северной границе лагеря.

Лагот зло оскалился:

– Дикари! Опять они, сукины дети!

– Мы должны охранять палатку с припасами.

– Сильфы наверняка придут за ними.

– Сильфы? – переспросил Лагот, обхватив рукоять широкого меча двумя руками, и в недоумении нахмурился. – Что еще за сильфы?

– Летающие люди.

– Откуда знаешь, что их сильфами называют?

– Он сказал. – Второй солдат указал на третьего.

– А ты откуда знаешь?

Третий развел руки в стороны. Латы на его плечах заскрипели. Он стянул с головы шлем и растянул губы в самодовольной ухмылке.

– Не удержался.

– Ты не...

Незнакомец кинул шлем в растерянную физиономию Лагота, вынул из-за спины острый клинок и вонзил его в плечо второго солдата, отчего тот взвыл от боли и попятился назад, словно медведь гризли. Нападавший был юн и стремителен. Он подхватил с земли толстую веревку и так крепко обвил ею шею Лагота, что его лицо стало пунцовым.

– Тихо, – грубо шепнул незнакомец ему на ухо, – ты ведь не собираешься умирать?

Лагот задыхался, колотя ладонями по влажному мху. Когда он потерял сознание, юноша откинул его в сторону и повернулся ко второму солдату. Тот вынул из плеча клинок и, громко зарывав, бросился на него. Незнакомец ловко проскочил под его рукой, сделал кувырок и, выхватив из ножен второй клинок, метнул его. Лезвие пришлось ровно по неприкрытому левому плечу солдата, и тот заорал от боли. Юноша подскочил к нему, стянул с лица шлем и как следует врезал головой по носу. Кровь брызнула в стороны, и солдат рухнул на землю.

Юноша отряхнул руки и перевел дух. Он быстро осмотрелся и прошелся ладонью по вспотевшему лицу. Его рыжеватые волосы блестели от пота. В лагере было пусто. Издали доносились голоса удаляющихся солдат, и юноша хитро улыбнулся – ловушка сработала.

Аргон просвистел несколько мелодичных высоких нот и быстрыми движениями стряхнул с себя тяжеленные латы. Он не понимал, зачем солдаты Вудстоуна намеренно подвергают себя угрозе смерти. Если ты медленный – ты мертвый. А с таким грузом едва ли можно нормально шевелиться.

Из-за стволов деревьев показались знакомые лица. Облаченные в темные одежды, они бесшумно подкрадывались к Аргону, будто невидимые тени.

Аргон зашел в шатер и выкинул несколько мешков с зерном наружу.

– Как все прошло? – спросил зашедший внутрь темноволосый юноша.

– Как по маслу. Держи.

Аргон кинул другу мешок, а тот бросил его другому. Они слаженно передавали друг другу зерно и изредка смотрели по сторонам, дожидаясь возвращения отряда. У них не было времени, но и еды в Дамнуме не было, так что они готовы были стоять до последнего. Лучше уж смерть от меча, чем от голода.

– Идем. – Ксеон бросил взгляд на Аргона. – Мы забрали достаточно.

– Недостаточно.

– Каменные Сердца медленные, но не тупые.

– Уверен? – Аргон самоуверенно ухмыльнулся. – Тогда почему мы еще живы?

Ксеон покачал головой, но все-таки не решился спорить. Они вытащили из шатра все мешки до последнего и только потом выбрались наружу. Шайка Аргона сразу же бросилась враспынную, прихватив по несколько торб с овсом. Мелкий Томми попытался закинуть себе на спину шкуру убитого медведя, но Аргон остановил его, криво улыбнувшись, и присел перед ним на корточки.

– Забирай только то, что сможешь унести.

– Но я смогу, – возразил мальчишка. Поверх его коротких волос была повязана серая тряпка. Он хотел выглядеть устрашающе. – Мне не тяжело.

– Аргон, – поторопил Ксеон.

– Сейчас нет, но потом станет. Давай-ка медведя мне. А сам возьми мой мешок.

– Он один!

– Ну и что тебя не устраивает? Шевелись, Томми. – Аргон хлопнул его по щеке и поднялся. Издалека послышались мужские голоса, и он обернулся. Каменные Сердца возвращались. – Томми, давай.

– Но я...

Аргон прожег мальчишку недовольным взглядом, и тот тут же сорвался с места, изо всех сил прижимая к груди тяжелый льняной мешок. Молодой предводитель прищурился и представил, как ветер набирает силу: кроны деревьев клонились, ветер взвыл. Аргон закинул себе на спину шкуры животных. Ксеон сделал то же самое.

Друзья усталились друг на друга.

– Ставлю десятку, что я доберусь первым, – прохрипел Ксеон.

– Бросаешь мне вызов?

– Только не распускай сопли, веснушчатая милашка.

– Зачем... зачем называть меня так... – Аргон прикрыл глаза и выдохнул. – Двадцать толий, что я опережу твой белый зад.

– Идет.

– Раз... – Аргон наклонился к земле.

– Два... – Ксеон устремил темный взгляд вперед.

– Три!

Они сорвались с места, подняв клубы пыли. Под ногами хрустели и ломались сухие ветки. Лес был необыкновенно красив, особенно на закате. Но Аргон не любил нагромождение стволов и ветвей. Ему нравился простор. Он мог ночами летать над Долиной Ветров, но не в состоянии был бы провести и час в деревянной клетке Арбора. Куда хуже Станхенг – каменный город Вудстоуна. Аргон как-то раз видел его, пролетал над гигантскими каменными статуями у границ величественного города. Более страшной клетки он в своей жизни еще не видывал.

Друзья мчались по неровной тропе, и деревья проносились мимо. Аргон вырвался вперед – Ксеон недовольно зарычал, прибавив скорость. За ними наверняка уже неслась погоня, но они предпочитали решать проблемы по мере их поступления. Это довольно часто выливалось в еще большие проблемы, но люди с Фиэнде-Фиэль привыкли бежать вперед, словно ветер, не оглядываясь.

Неожиданно рядом с Ксеоном появилась знакомая фигура. Нуба пристроилась справа и улыбнулась, обнажив щербинку между зубами. В руках она держала четыре торбы с овсом.

– Сколько вам можно давать фору? – Каштановые волосы Нубы развевались вокруг головы, будто паутина. – Шевелитесь, старухи!

Она рванула вперед, словно огромная птица, и Аргон расхохотался. Он увидел, как Ксеон возмущенно закатил глаза, и побежал еще быстрее.

Над головой по деревьям, будто жуки-короеды, ползали его люди. Они следили за погодой и подавали сигналы. Аргон время от времени смотрел на них. Сейчас один из шайки замазал руками и указал в сторону лагеря. Аргон стремительно затормозил, подняв пыль.

– В чем дело... – прошептал он себе под нос.

Элиас – худощавый мужчина с белыми поредевшими волосами – попытался ему что-то показать. Он завязывал невидимый узел на голове. Что за чертов узел на голове?

– Что ты делаешь? – запыхавшись, воскликнул Ксеон и подбежал к другу. – Спятил?

– Элиас.

Они усталились вверх, когда к ним подскочила Нуба.

– Вы совсем рехнулись? Живо несите свои задницы к границе!

– Узел на голове...

– Какой еще узел?

– Вербка? Сети? Ловушка?

– Томми, – сипло протянул Аргон и, обернувшись, всмотрелся в глубину леса. – Он завязывает повязку... ту идиотскую тряпку, которую носит Томми. Надо вернуться.

– Ты уверен?

Аргон взглянул в черные глаза Нубы и скинул с плеч шкуры животных.

– Не ждите меня.

Юноша побежал обратно, активно работая руками и ровно дыша – главное правильно дышать. *«Не торопись, Аргон, – учил его отец. – Два шага – вдох, два шага – выдох. Вдох – удар, выдох – подсечка»*. Черный Ястреб – так прозвали Аргона люди Калахара. Воровать он умел, испаряться тоже. Но чему он так и не научился, так это жертвовать кем-то или принимать поражение ради большей победы. Он перепрыгнул через поваленное дерево. В небе над головой свирепый ветер гнал тучи.

Вдруг Аргон услышал детский вопль и прибавил скорость.

Ему пришлось спрыгнуть с уступа, чтобы подоспеть вовремя. Аргон перевернулся в воздухе и приземлился прямо перед Томми, загородив его от пятерых солдат в сверкающих доспехах. Юноша выпрямился и, разведя в стороны руки, улыбнулся.

– Простите, я опоздал.

– Какого...

Аргон ударил ногой о землю, и листья закружились вокруг солдат, словно их поднял сильнейший порыв ветра. Мужчины пытались отбиться от урагана мечами, разрезая лезвиями воздух. Аргон тем временем подхватил Томми и ринулся вверх по холму.

– Но мой мешок! – закричал тот, вытянув руки.

– Забудь о нем.

– Но я вернусь с пустыми руками!

– Зато вернешься.

Аргон вскарабкался по склону, прижимая парнишку к себе, и свистнул. Резкий звук разнесся по лесу. Внезапно возле лица Аргона пролетела настоящая стрела, вторая – рядом с туловищем. Аргон запрокинул голову и посмотрел вверх. Там среди покачивающихся крон деревьев виднелась огромная тень.

– Ничего, Томми, – улыбнулся Аргон, – скоро будем дома. Ты летал на ястребе?

– Мне же только двенадцать.

– Тогда тебе должно понравиться. Первый раз запоминается навсегда.

– Что? – Ореховые глаза Томми распахнулись от изумления. В этот момент гигантская черная птица спикировала вниз между толстыми стволами дубов. Ястреб закричал так пронзительно, что солдаты зажмурились. Его угольные крылья переливались в тусклом солнечном свете, глаза-бусины блестели.

Птица подлетела к Аргону, и он закинул Томми ей на спину. Сам юноша только поднял ногу, как вдруг стрела пронзила его плечо. Аргон зарычал, повиснув на ястребе, а Томми обхватил его руками, пытаясь затащить наверх.

– Садись, Аргон, – умолял он, зажмурившись от страха, – пожалуйста!

Боль была такая нестерпимая, что тело Аргона не слушалось. Он закрыл глаза и вместо темноты увидел парящие горы Фиэнде-Фиэль, бескрайние просторы Долины Ветров. Он должен был вновь оказаться там. Должен был вернуться домой. Молодой предводитель зашипел от боли, рывком забрался на ястреба, ухватился за жесткие перья и пригнулся.

– Отвези нас домой, – попросил он.

Ястреб оглушительно закричал, вздернул ярко-рыжий острый клюв и оттолкнулся мощными лапами от земли. От взмахов гигантских крыльев листья разлетелись в стороны и закружились над землей.

Солдаты кричали, выпуская стрелы, но они не долетали до цели. Черный ястреб взмыл в небо и скрылся в кучевых облаках.

Томми в ужасе смотрел на верхушки дубов, на черные точки лагерных палаток Каменных Сердец. Он крепко держался за Аргона и дрожал, но не от холода. Ему хотелось все узнать, все попробовать, но сегодня он подвел своих ребят, переоценив свои силы. Томми думал, что справится с парочкой солдат, но не одолел и одного. Он заметил, что по плечу Аргона течет кровь и капает прямо на иссиня-черные перья ястреба. Он нахмурился.

– Тебе очень больно?

Аргон обернулся и растянул губы в кривой улыбке. У него были кудрявые волосы, россыпь едва заметных веснушек на щеках и загорелая кожа. Летая над землей, становишься ближе к солнцу. Зеленые глаза предводителя искрились азартом.

– Жить буду, Томми.

– Но у тебя кровь.

– Царапина.

– Надо будет сходить к Хуракану.

– Это я и сам понимаю. – Аргон наклонился немного вперед, и ястреб послушно прибавил скорость. – Скоро и ты найдешь своего ястреба.

– Ага, Хуракан тоже так говорит. Вот только он немного того.

– Все мы немного того.

– Я так перепугался, когда они меня окружили. Как ты нашел меня?

Аргон посмотрел на дрожащего мальчишку. Внезапно раздался оглушительный грохот. Он крепче вцепился в перья птицы и увидел, как прямо под ними земля покрывается гигантскими трещинами.

– Что за... – в оцепенении прошептал Аргон.

Лес Арбора зашевелился, словно живой. Вдалеке возмущенно взвыл океан. Аргон в недоумении прищурился. С такой высоты были видны и леса Арбора, и земли Станхенга. Сквозь туман пробивался даже расплывчатый силуэт самого каменного города. Когда-то между землями двух братьев, Алмана и Вигмана Барлотомеев, пролегла величественная равнина, но сейчас земля громко затрещала, вспыхнула, будто под ней проснулся вулкан, и раскололась на две части.

– Аргон, посмотри! – закричал Томми, и Аргон стремительно обернулся.

Океан превратился в расвирепешего зверя с гигантскими волнами. Одна из них пропала из виду, а вторая – поменьше – ринулась к появившейся расщелине между домами Вудстоуна и заполнила пустоту водой. Тишина разразилась грохотом, от которого по телу молодого предводителя пошли мурашки. Земля трещала, а волны жадно пожирали равнину. Аргон с тревогой наклонился вперед:

– Домой. Быстрее!

Ястреб спикировал сквозь облака словно гигантский камень. У них не было времени наблюдать за разрушением земель Вудстоуна. Лишь одно было важно – Долина Ветров, Фиэнде-Фиэль, родной дом Аргона и его семьи. Яростные порывы ветра били по его лицу, словно не признавали своего последователя. Небо разразилось громом, океан вдалеке забурлил, будто необъятный темно-синий гейзер, и Аргон ощутил неприятную дрожь. Когда природа шла против человека, человек проигрывал. Люди могут побеждать людей, но не стихию.

– Великие... – сдавленно прохрипел Томми, выглядывая из-за спины Аргона, и вдруг запнулся, почувствовав, как напряглось тело предводителя. Ястреб застыл, а Аргон в ступоре уставился перед собой: сквозь белый туман открывался вид на парящие горы. Они рушились. Раскалывались на десятки частей. От них откалывались гигантские куски и падали вниз, погружаясь в невидимую бездну.

Сердце Аргона замерло. Трещины от Вудстоуна добрались и до Дамнума. Они бежали по земле, будто кровавые реки. Равнины покрылись черной паутиной, а возле обрыва, там, где парили летающие скалы, царил настоящий хаос.

Свирепые вихри рушили то, что раньше было их домом.

– Вперед, – грозно приказал Аргон, стиснул зубы и громче повторил: – Вперед!

Эльба

Вокруг было так тихо, что Эльба слышала собственное сиплое дыхание. Она вслепую шла вперед, впившись ногтями в ладони, и моргала, пытаясь разглядеть тропу, но видела лишь бесконечный черный туннель. Эльба осторожно семенила, как вдруг ее лодыжки коснулось что-то скользкое... Еще шаг – еще одно прикосновение... Нечто холодное поползло по ее ноге. Девушка, взвизгнув, отпрянула в сторону и наступила на какой-то шевелящийся клубок. Что это? Эльба окаменела. Она опустила глаза и увидела, как нечто черное ползет по ее тунике. Глаза ее в ужасе распахнулись, сердце упало вниз. Змеи зашипели под ее ногами, и Эльба закричала:

– Прочь!

Крик прозвучал воинственно и резко.

Неожиданно еще одна змея зашипела прямо над ее головой, и девушка порывисто обернулась. Эльба панически оглядывалась, понятия не имея, где начинаются хвосты, где ее поджидают острые клыки и откуда за ней наблюдают мертвые змеиные глаза. Неожиданно тропа под ее ногами пропала. Девушка вступила в болото, и как только ее ноги коснулись теплой воды, туннель осветили яркие огненные вспышки, лианы над головой Эльбы загорелись.

– О боги, – прошептала она.

Перед Эльбой раскинулось узкое болото. Оно тянулось к скальной плите с кровавыми отпечатками человеческих рук. Болото шевелилось, над его поверхностью появлялись змеиные хвосты и выгнутые спины. Змеи шипели, выползая на берег, и скользили по ногам девушки.

«Иди к нам», – потребовал женский голос. Эльба подняла взгляд и увидела, как из тени к ней тянется костлявая рука с длинными черными когтями. Она манила девушку, звала вперед, к каменной плите.

«Иди к нам, Эльба, иди».

Голова нимфы закружилась, мир предательски завращался перед глазами, но она должна была идти дальше, несмотря на жуткий страх, сковавший все ее тело. Эльба должна была идти на встречу к своим предкам, потому что она – дочь Атоллы Полуночного, речного вождя. Эльба шагнула вперед, провалилась в болото по пояс и почувствовала, как по ее ногам поползли десятки склизких змей. Одна из них выплыла на поверхность, поднялась по руке нимфы и коснулась ее угольных волос. Змеиный хвост прочертил линию по ее подбородку, а потом исчез где-то под одеждой. Эльба стиснула зубы так крепко, что они закрипели. Она не плакала и не жаловалась, лишь отрывисто дышала, наблюдая за костлявой рукой. А где-то там, за аркой из сплетенных лиан, народ Дор-Валхерена распевал ее имя.

Эльбе казалось, что она до сих пор слышит это пение.

«Иди к нам».

Эльба заметила, как сбоку над водой показался толстый зеленый хвост, испещренный маленькими желтыми чешуйками. В существование таких огромных змей она раньше даже не верила. Кто же обитал в этих болотах?

Наконец она добралась до противоположного берега. Вода текла ручьем с ее платья, а змеи сползали с ее плеч и ног. Эльба ступила на твердую землю и наконец-то увидела женщину с костлявой рукой. Она стояла рядом с каменной плитой, и ее лицо было в тени. Однако едва Эльба открыла рот, жрица ринулась к ней и вцепилась в запястье, точно атакующая кобра. Белая потрескавшаяся кожа Змеиной жрицы не была похожа на человеческую. Из трещин лилась черная слизь.

– Эльба! – рявкнула жрица. У нее были отвратительные острые клыки вместо зубов и ярко-желтые глаза. Она взмахнула острыми когтями, и на ладони девушки появились глубокие царапины.

– Давай! – зарычала она. – Живей!

Ее голос был похож на утробный рык, а изо рта несло гнилым мясом. Эльба дышала так медленно, что боялась свалиться в обморок. Она послушно приложила руку к каменной плите и оставила кровавый отпечаток рядом с десятками других рук.

На лице Змеиной жрицы появилась неестественно широкая уродливая ухмылка.

– Добро пожаловать.

Она схватила Эльбу за плечо и потащила за собой, двигаясь резко, то и дело вертя головой и приплюхиваясь к тяжелому сырому запаху. Эльба брела за ней.

Она верила в магию, но еще никогда не оказывалась к ней так близко. Пещера оказалась змеиным гнездом. Черная жрица двигалась так быстро, что Эльба едва поспевала за ней, спотыкаясь о множество переплетающихся змей. Когда она уже хотела спросить, куда они идут, жрица обернулась и рывкнула, едва не врезавшись в нее:

– Маленькая Эльба скоро узнает ответы на все вопросы.

Эльбу привели в просторную пещеру, которую освещали десятки подоженных лиан, свисающие по стенам. Было непонятно, почему они не сгорают и не превращаются в пепел. Возвышенность в центре пещеры окружало болото кровавого цвета. В нем плавали женщины с кожей, покрытой серыми чешуйками. Их глаза были черными. Они смотрели на Эльбу и ухмылялись, обнажая острые зубы.

Ничего более страшного Эльба еще в своей жизни не видела. Эти женщины были демонами.

– Здравствуй, Эльба, – сказал хриплый голос, и девушка обернулась.

На возвышении стояла женщина невысокого роста. Ее кожа была белой как мел. В кровавых глазах отражалось пламя сгорающих лиан, а перегородка горбатого носа была проколота полукруглой костью. Из трещин на лице, которые паутиной расползались по скулам и подбородку, сочилась черная густая кровь. Эльба едва слышно ответила:

– Благослови вас Пифия.

– Пифия – не мой бог... – Женщина резко наклонила голову, послышался треск ее костлявой шеи. Толстые когти прочертили в воздухе незамысловатые фигуры. – Морана.

– Смерть...

– Пусть она благословит нас.

Эльба испуганно кивнула. Жрица в черном чешуйчатом одеянии спустилась вниз, подплыла к ней, будто не касаясь земли, и вытянула шею. Из ее черного рта показался раздвоенный язык, красные глаза с любопытством всматривались в лицо гостьи.

– Ты пришла узнать, почему ваши боги наслали на вас морского зверя? – скрипучий голос словно пробирался под кожу. Эльбу трясло, несмотря на то что в пещере было невыносимо душно.

Она уже собиралась ответить, как вдруг заметила знакомое лицо. Это лицо скрывалось в тени, но все же его черты были настолько родными, что сердце Эльбы сжалось. Она прошептала:

– Мама...

– Я права? – рывкнула жрица и рывком притянула девушку к себе. Эльбе пришлось вновь посмотреть на главную жрицу, хотя перед глазами стояло уродливое сгнившее лицо матери, следящей за происходящим из тени.

– Правы, – с нажимом ответила Эльба.

– Ты немногословна.

– Я пришла не говорить.

Змеиная жрица прикоснулась когтями к лицу Эльбы, и та отвела взгляд. Она сделала это произвольно, в голубых глазах появились слезы. Сквозь пелену она смотрела на худощавую высокую незнакомку с угольными волосами. В них шипели маленькие ярко-алые змеи. Когда-

то шоколадные глаза стали ярко-синими, почти голубыми, как небо в ясную погоду, но этот цвет был ненастоящим.

Ее мать казалась ненастоящей.

Морейн Полуночная умерла много лет назад в тяжелых муках, и сейчас пред Эльбой стояло уродливое существо, впитавшее в себя черную магию Калахара.

– Слушай меня, Эльба Полуночная, дочь Атоллы Полуночного, – прохрипела черная жрица и приблизилась к лицу девушки. Их взгляды встретились. – Я дам тебе ответ, и он изменит твою жизнь. Но ты должна заплатить.

– Заплатить, – послушно повторила Эльба.

– Морана даст тебе преимущество, но отнимет твоих близких. Ты будешь терять всех, кто тебе дорог.

– До тех пор, – скрипучим голосом протянула Морейн Полуночная и ступила вперед, – *пока жизнь не победит смерть.*

Мать и дочь смотрели друг на друга.

«Пока жизнь не победит смерть», – повторила Эльба про себя и ощутила, как ее сердце обдало первобытным холодом. Приговор. Клеймо и *проклятье*. Голос ее матери, чужой и жуткий, уничтожил остатки смелости. Эльба в ужасе отшатнулась, но черная жрица сжимала ее подбородок острыми когтями.

– Пифия велела тебе прийти за советом, – ведьма обнажила гнилые зубы, и Эльба ощутила тошнотворный запах, – у нее и ищи справедливости.

По лохмотьям жрицы поползла змея с черной переливающейся чешуей. Она обвила ее руку, сползла по запястью, и ее голова оказалась прямо напротив лица Эльбы. Угольные глаза уставились на жертву, парализуя ее.

– Если, конечно, справедливость существует.

Змея распахнула широкую пасть, тонкие клыки блеснули от ядовитой слюны, и в следующее мгновение она кинулась вперед, вонзив зубы в шею Эльбы.

Девушка закричала.

Весь мир перевернулся. Рифтовые Болота исчезли. Эльба провалилась сквозь землю, а когда вновь открыла глаза, то оказалась на краю самого высокого водопада Эридана. Она смотрела на Дор-Валхерен и видела, как он сгорает в желтом пламени.

Обугленные тела, молящие о помощи женщины.

Эльба стояла, окруженная черным дымом, и смотрела на реки, которые высохли как по волшебству. Она услышала за спиной пронзительный животный крик, обернулась и увидела опаленного феникса с огненным всадником.

Всадник летел прямо на Эльбу, сжимая в руке острый клинок.

– Лаохесан, – только и успела прошептать она, прежде чем меч пронзил ее сердце. Девушка рухнула вниз и навсегда закрыла глаза.

Аргон

Хуракан был самым старым человеком Калахара. Никто точно не знал, сколько ему лет, но говорили, что старику минул целый век. Его миниатюрная хибара стояла на самой высокой парящей скале, и он с радостью принимал гостей, если они приносили ему свежие рисовые лепешки или медовуху.

Сегодня дом Хуракана разрушился.

Аргон видел, как деревянная хибара развалилась. Ее снес торнадо. Затем он снес и скалу, на которой она стояла. Молодой предводитель любил Хуракана за его болтливость. Все отмахивались от старика, когда он спускался в Долину Ветров, а вот Аргон – нет. Когда его мама умерла, Хуракан единственный не переставал повторять, что все наладится, и вскоре Аргон ему поверил. Жизнь действительно наладилась, а мама вернулась к сыну западным ветром, как и все духи Фиэнде-Фиэль. И пусть Аргон предпочитал не вспоминать о потере и притворялся, будто боль давным-давно испарилась, он нашел выход, а старик ему в этом помог. Хуракана считали невероятным чудачком. Но никто не говорил ему об этом, потому что люди знали – если Аргон прознает, кто распускает языки, он придет за этими языками.

С высоты птичьего полета были видны разрушенные дома летающих людей. Ураган не пощадил даже самые прочные хибары. Парящих скал стало гораздо меньше. Многие из них теперь покоились на дне океана, бушующего у обрыва Долины Ветров.

Аргон увидел, как с земли ему машет черноволосая девушка. Он сразу узнал Нубу и пригнулся.

– Держись, – приказал предводитель, и Томми крепче обнял его.

Когда они приземлились, Нуба подбежала к ним и бережно прошлась рукой по гладким черным перьям ястреба. Птица прикрыла глаза от удовольствия и придвинулась к ней, а Нуба тихо усмехнулась, хотя глаза у нее опухли от слез. Аргон хотел было спросить, как она, но не успел. Она заметила стрелу, торчащую из его плеча, и гневно свела брови.

– Великие духи, – выругалась Нуба, – ты что молчишь, болван?

– И тебе тоже привет, милая.

Аргон с легкостью спрыгнул с ястреба, потом помог Томми. Тот тут же кинулся к деревне, а Нуба всплеснула руками:

– У тебя рука отнимется, если рану не промыть.

– В воздухе нечем ее промывать.

– Сейчас врежу тебе между глаз.

– Так-так, я бы с удовольствием на это посмотрел, – воскликнул знакомый голос, и к путникам подбежал Ксеон. Его лицо и черные волнистые волосы блестели от пота. Он широко взмахнул руками и проворчал:

– И он опять выжил, наш неуязвимый герой.

– Как видишь.

Они довольно переглянулись, а Нуба отчеканила:

– Тащи Аргона к Хуракану, а я найду его отца.

– Хуракан жив? – Аргон с надеждой посмотрел на друзей.

– Да. Ему захотелось медовухи... – буркнул Ксеон и повел друга за собой.

Долину Ветров покрывала пелена серой пыли. Она летала над домами и попадала в глаза. Жители искали в обломках уцелевшие вещи, кто-то – своих родных. Аргон нахмурился, когда увидел знакомую девочку, плачущую над телом брата.

– Сколько людей мы потеряли?

– Пока не знаю. – Ксеон пожал плечами и смахнул пот со лба. – Говорят, клан Диких Шакалов Ровена пострадал еще сильнее. Земля раскололась прямо в Мурмантисе.

– Надо собрать все кланы Дамнума... – Аргон поморщился от пульсирующей боли в плече и кивнул, словно соглашаясь сам с собой. – Придется работать вместе.

– Не говори ерунды. *«Каждый сам за себя»*. Помнишь?

– Теперь все иначе.

– Да. – Ксеон перевел на него темный взгляд. – Теперь нужно первыми договориться с Алманом Барлотомеем насчет поставки деревьев. Наши дома разрушены, и нам нужно построить новые, но из чего?

– Обращаться за помощью к этому болвану? – Аргон презрительно фыркнул. – Мы уже пытались поговорить, но он видит в нас лишь дикарей, не достойных его королевского зада.

– Выбора у нас нет.

– Еще как есть.

– Все гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Нам придется позабыть о старых обидах.

– Земля раскололась в Вудстоуне, Ксеон. И лишь потом до нас дошли трещины. Мы потеряли близких, потому что в Арборе что-то случилось.

Ксеон скептически поджал губы и усмехнулся:

– Только ты можешь связать то, что никак между собой не связано.

Он прошел мимо длинной очереди в уцелевший деревянный сруб и потащил за собой Аргона.

– Каким образом Алман мог повлиять на ураган в Долине Ветров? А даже если и так, из чего нам с тобой отстраивать дома? Из травы?

– Я найду способ.

– Твой отец его найдет, а ты послушаешься его, когда он скажет идти в Арбор, чтобы договориться с Алманом.

– Отец никогда не преклонит колено перед чужеземным королем.

– Я не говорю преклонять колено. Нам нужна помощь.

– Почему бы не поискать помощи в Дамнуме?

– Может, потому что летающие люди не помогают другим летающим людям?

– Но мы и не пытались. – Аргон распахнул массивную дверь и решительно шагнул через порог. – Не собираюсь покидать дом из-за крысы-Алмана.

– Вы срочно должны покинуть свой дом! – воскликнул хриплым голосом Хуракан и так пристально посмотрел на Аргона, что тот непроизвольно остановился. Седовласый старик проковылял к раненому предводителю. – Рад, что ты жив, мак.

Так его называл только Хуракан. В переводе с моранского «мак» означает «сын».

Старик похлопал Аргона по щеке и улыбнулся. У Хуракана были длинная белая борода и такие же длинные серебряные волосы. Иногда он заплетал их в тугую косу, но сегодня они были взлохмачены и торчали в разные стороны. Морщины на его лице складывались в причудливые узоры. Они были такими же глубокими, как и Канисские Впадины в океане. О путешествии туда Аргон не любил вспоминать. Кажется, именно тогда он впервые по-настоящему влюбился. И, кажется, именно тогда он понял, что нет ничего романтического в отношениях с сиренами. Уж больно они чувствительны.

Старик часто говорил, что Аргон – самый лучший сильф, которого он знал.

Сильфами становились только те, в ком текла кровь истинных летающих людей. В Дамнуме таких было довольно много, по сравнению с другими государствами Калахара. В основном Долина Ветров служила пристанищем тем, кому некуда было идти – забытым старикам, брошенным детям, одиноким юнцам. Люди со всего света жили на равнине Фиэнде-Фиэль, потому что здесь принимали каждого.

Поговаривали, что раньше Долину Ветров называли Долиной Потерь.

Сейчас в это уже слабо верилось.

– Садись. – Хуракан усадил Аргона на расшатанный стул, наклонился к его ране, ощупал пальцами кровоподтек вокруг стрелы и внезапно выдернул ее из плеча.

– Святые... – зашипел Аргон и недовольно топнул ногой. Из раны хлынула кровь. Юноша ядовито улыбнулся, исподлобья глянув на знахаря. – Отличная идея, Хуракан.

– Хотел ее там оставить?

– Ты должен был предупредить его, – вступился за Аргона Ксеон, на что старик лишь фыркнул. Он подхватил со стола глиняную кружку и покосился на второго гостя.

– Сейчас я в тебя ее кину.

– Что?

Хуракан размахнулся и бросил чашу. Она полетела в голову Ксеона, но тот вовремя увернулся и, выпрямившись, воскликнул:

– Ты совсем ума лишился?

Хуракан невинно пожал плечами:

– Но я ведь предупредил тебя. Стало легче?

Ксеон прошелся ладонями по волосам и рявкнул:

– Я подожду на улице. Иначе я за себя не ручаюсь.

Он с недовольным видом проследовал к выходу и захлопнул за собой дверь, а знахарь прижал какие-то травы к глубокой ране предводителя и пробурчал:

– Кажется, я ему не нравлюсь.

– Интересно, почему бы это.

– Ты смело поступил, когда вернулся за мальчишкой.

– Томми был здесь?

– Не был. – Старик разорвал ворот рубахи Аргона и заковылял к камину, в котором трещал, переливаясь рыжими красками, хворост. Хуракан задумчиво нахмурился. – Сегодня огонь ведет себя иначе. Ты видел когда-нибудь феникса, мак?

– Они же давно вымерли.

– А я видел. Жуткие существа.

– Ты хотел прижечь мне рану.

– Да. – Старик взмахнул руками и взбалмошно кивнул. – Верно-верно, Аргон. Меня не отпускает сегодня странное чувство, и я хотел с тобой им поделиться. Ты не против?

– А у меня есть выбор?

– Ну, это вряд ли. Но я должен был спросить из приличия.

Хуракан поднес раскаленный железный прут к ране молодого предводителя и так крепко прижал его к коже, что она захрустела. Аргон знал, что должен сдерживать эмоции, но все равно зажмурился и заскулил, как уличный пес.

– Я сидел в своей хибаре, – начал спокойным голосом Хуракан, – когда понял, что у меня пересохло в горле. В горле у меня пересыхает редко. Обычно я дожидаюсь тебя или Нубу, она приносит самую вкусную медовуху в Долине.

Он закинул прут на плечо как ни в чем не бывало и отрешенно уставился в пустоту.

– Еще она приносит печенье. Тебе ведь доводилось пробовать ее печенье?

– Это как-то связано с фениксами?

– Глупости не говори. – Старик отмахнулся. – В общем, я спустился в Долину. Ветер нашептал мне. И тогда я увидел надвигающийся шторм. Ты ведь почувствовал, что сегодняшние ужасы – только начало? Знаю, что почувствовал, ты всегда был чутким и умным мальчиком. Что ты на этот счет думаешь, Аргон?

Тот вытер пот с лица и предположил:

– В Вудстоуне большие неприятности?

– В Калахаре большие неприятности из-за Вудстоуна. Мак, – Хуракан вдруг взглянул на Аргона и подошел к нему близко-близко, так, что его дымчатые глаза уставились прямо в малахитовые глаза юноши, – что ты помнишь о землях Халассана?

– Об Опаленных землях?

– Ага.

– Да ничего. А я должен о них помнить?

Старик отодвинулся и нахмурил кустистые брови.

– Тысячи людей погибли, сотни семей сгинули в Тартаре. А ты спрашиваешь меня, должен ли ты об этом помнить? Историю все должны знать, мальчик мой. Иначе вы рискуете вновь ее повторить.

– Я помню, отец рассказывал мне о Хорго, о древнем городе Опаленных людей. Он был полностью уничтожен много лет назад. Какое отношение это имеет к тому, что нас настиг самый свирепый ураган за всю историю? Если ты закончил, я...

– Халассан не просто так был уничтожен, – сказал старик, и Аргон протяжно вздохнул. Он должен был помогать другим, но плечо жутко зудело. Аргон решил еще несколько минут посидеть со старым другом, а потом уйти, сославшись на важные дела.

– И почему же он был уничтожен?

– Люди боялись огненных санов. Эридан, Вудстоун и Дамнум... все объединились, чтобы уничтожить государство, контролирующее самую опасную стихию Калахара.

– Стихию огня.

– Сама по себе стихия огня не опасна, мак. Мы согреваем наши жилища, освещаем их, готовим еду. Огонь полезен. Но был один человек... Хотя был ли он человеком?

– Хуракан, – взмолился Аргон, – ближе к делу!

– Лаохесан... – произнес старик, и пламя в камине зашипело, будто змея. Аргон в недоумении уставился на рыжие языки, а Хуракан криво улыбнулся и повторил: – Сегодня огонь ведет себя иначе.

В глазах Аргона сверкнули искры. Молодой предводитель ухмыльнулся и с вызовом посмотрел на старика. Огонь всегда был обычным огнем. Аргон контролировал стихию воздуха. Он слышал, что люди Эридана контролируют стихию воды. Барлотомей – те, что прислуживали стихии земли, – давно перестали верить в магию и не пользовались ею. У них на этот счет была своя философия, которую не разделял ни один летающий человек.

А вот санов, контролирующих огонь, Аргон никогда не видел. Они вымерли. Как и все жители Хорго. Остались лишь единицы, не владеющие магическими силами.

В голове Аргона возник важный вопрос, который он тут же поспешил задать:

– Кто такой Лаохесан?

– О-о, – опечаленно протянул Хуракан и отвернулся, – страшный человек, если он был им когда-то. Огненный завоеватель. Ты ведь слышал легенды о нем? Я точно рассказывал. Да я видел его собственными глазами!

– Тогда это уже не легенда.

Старик вяло усмехнулся. Он устало присел напротив Аргона и почесал бороду. Тот сразу же заметил нечто неладное и проговорил:

– Такое чувство, что ты его боишься.

– Конечно. Я ведь не пустоголовый болван.

– Но с какой стати ты боишься того, кто умер столетие назад?

– Ты... ты должен знать всю историю, мак... Потому что сегодня ветер нашептал мне не только то, что я должен покинуть... Ветер сказал мне, что ты должен отправиться в путь. – Хуракан виновато нахмурился.

– Что?

– Много... очень много лет назад правитель огненных земель Халассана решил, что его стихия – самая могущественная. Он восстал против Калахара и убил множество людей. Это была страшная война, и мы не стояли бы здесь, если бы Дамнум, Вудстоун и Эридан не объединили свои силы. Лаохесан был повержен, и люди дали клятву: *«Брат не пойдет против брата»*. Придание гласит: если клятва будет нарушена, Лаохесан восстанет из мертвых. Вместе с ним на Калахар обрушатся природные катаклизмы, а тени его прежних почитателей встанут на его сторону, чтобы вновь захватить власть.

Хуракан затих. Аргон посмотрел на него и нахмурился. Он и раньше слышал байки старика. Они бывали и более странными. Но сейчас Хуракан говорил серьезно, с испугом. Его голос звенел от напряжения, и Аргону это... нравилось. Очередное приключение? Он успел многое повидать. Летал над лесами Арбора и проникал в лагерь Каменных Сердец. Пересекал Лазурный океан и даже видел край земли. Ему уже сейчас хотелось сорваться с места, чтобы заполнить пустоту внутри новыми впечатлениями. Правда, потом Аргон вспомнил о том, какая разруха поджидала его за порогом хибары. Он не мог улететь хотя бы потому, что отец бы этому совсем не обрадовался.

– Это просто предание, – наконец сказал молодой предводитель.

– Ты можешь так считать, мак. Но это не значит, что ты прав.

– Ты тоже можешь ошибаться.

– Но это не я говорю с тобой, Аргон. Это все ветер.

– Почему же... – Аргон встал и взмахнул руками. Боль тут же прошибла плечо, и он продолжил уже спокойнее. – Почему же ветер со мной не пообщался?

– Потому что ты его не слушаешь. Он здесь, в этой комнате. Прямо сейчас! Вон, в окно рвется и под дверью проползает. Он тут, – старик ткнул Аргона в грудь, – и тут. – Он растормошил его бронзовую шевелюру. – Но ты остаешься глух как покойник.

– Но почему ты решил, что клятва нарушена? Возможно, ураган – всего лишь совпадение. Мы и раньше сталкивались с трудностями. Наши земли перестали давать еду, скот покинул все наши пастбища... Если Лаохесан и правда восстал из пепла, то почему только сейчас? Что такого ужасного могло произойти?

– Брат пошел против брата.

– Да брось, люди и раньше убивали людей.

– Не так. Не по злости, не по крови!

– О ком ты говоришь?

Хуракан сжал перед собой руки, на его лбу появилась глубокая морщина, и он тихо проговорил:

– Алман Барлотомей убил Вигмана Барлотомей, мой мальчик. Можешь мне не верить, но поверь своим предкам. Духи мертвых не врут.

Аргон изумленно отступил назад. Неужели король Вудстоуна убил родного брата? В это невозможно было поверить, даже признавая, что Алман Барлотомей – самый гордый и расчетливый повелитель одной из земель Калахара. Зачем он это сделал, почему никто его не оставил? Вопросы крутились в голове юноши, но он не находил ответов.

– Я хочу поговорить с отцом, – наконец сказал он.

– Эстоф уже приходил ко мне. – Хуракан поднялся с табурета и пригладил ладонями густую бороду. – Так что, если тебя интересует его мнение, спроси у меня. Можешь, конечно, сам спросить у него. Но идти дальше.

– Мой отец не поверил бы в Лаохесана, даже если бы его огненное имя появилось на звездном небе.

– Ну, если бы появилось огненное имя...

– Отец – мудрый человек.

– Да. – Старик согласно кивнул. – И именно поэтому он дослушал меня до конца.

- А ты еще не все мне рассказал?
- Однажды мой хороший друг сказал: *«Верь своим предкам, но не забывай, что они давно умерли, а ты еще жив»*. – Хуракан рассмеялся и схватился за живот, будто сейчас лопнет от веселой шутки. – Милый был парнишка.
- Был?
- Не сбивай меня с мысли! Аргон, я не хочу, чтобы ты доверял ветру.
- Здравый совет.
- Отправься в Ордэт и узнай у самых умных людей Калахара, кто такой Лаохесан и как его победить, правдива ли легенда, стоит ли нам волноваться, ждет ли нас погибель.
- Но... – Аргон почесал заросший подбородок, – в Ордэт нельзя попасть просто так. Туда пускают только тех, кто знает то, чего не знают в самом Ордэте.
- Тогда тебе придется добыть такую тайну.
- Каким же образом?
- Лети в Черные Топи. Змеинные жрицы откроют тебе глаза на многие вещи.
- Аргон прищурился и протянул:
- Здоровые советы закончились.
- Ну, ты единственный в этой деревне любишь мои нездоровые советы. Возможно, именно поэтому ветер и выбрал тебя. Возьми с собой Нубу. Эта девчонка не даст тебя в обиду. Ксеона тоже возьми, только посматривай за ним. Он опасный воин.
- Но вряд ли я могу улететь сейчас. – Аргон покачал головой. – Время не то. Все это сулит огромные неприятности, которые придется расхлебывать моему отцу.
- Так помоги ему. Разузнай правду. Взгляни на мир под другим углом, мак. Ты долго бродишь по свету с закрытыми глазами, и я знаю причину, но пора прозреть, ведь многое изменилось. Природа восстала против нас, ты и сам это видел, мой мальчик. А ты задался вопросом – почему? Что мы делаем не так? Мой дом превратился в щепки, а я жил в нем сто сорок два года, Аргон. Это много, уж поверь мне! Что-то пошло не так... – просипел старик. – Мы сошли со своего пути, и нам нужно понять, как на него вернуться.
- Я, Хуракан, вор, а не спаситель.
- А я – дряхлый старик, а не мудрец. Но все-таки люди приходят ко мне за советом.
- Если бы я знал, что ты посоветуешь мне слетать до Рифтовых Болот...
- Ты бы все равно ошивался у меня.
- Аргон усмехнулся и почесал вспотевший лоб.
- Так уж и быть, схожу к отцу и поговорю с ребятами.
- Да, и еще, – старик уселся на табуретку и широко улыбнулся, – попроси, пожалуйста, милую Нубу принести мне медовухи. Горло я так и не успел промочить.

* * *

Аргон набросил клетчатую накидку на больное плечо, чтобы отец не заметил кровавых лоскутов ткани, и заправил ее под воротник. Сверху надел кожаную перевязь с клинками и откашлялся.

Эстоф стоял около разрушенной хибары и жадно пил медовуху. Мелкие капельки скатывались по его подбородку.

Заметив сына, он оторвался от бутылки и вытер рот тыльной стороной ладони. На нем была грязная рубаха, а бедра закрывала клетчатая ткань, перевязанная кожаным ремнем. Взгляд его узких глаз остановился на Аргоне.

- Будешь?
- Нет.
- Плохо работал, раз в горле не пересохло.

– Я работал с Ксеоном, а он любит запивать усталость.

Эстоф приблизился к сыну и небрежным движением стянул с его больного плеча ткань. Аргон закатил глаза, а Эстоф спросил:

– Болит?

– Ничего серьезного.

– Ты мог бы сказать мне, что сегодня едва не погиб. Я ждал тебя на утесе.

– Нуба, как всегда, наорала на меня, Ксеон отвел к Хуракану, а потом я сразу пошел разгрести завалы. – Аргон поправил накидку. – Я вполне способен расхаживать по Долине Ветров без жалоб на свое самочувствие. Как будто мы об этом сейчас должны переживать.

– Не знаю, как ты, Аргон, – начал низким голосом Эстоф, – но я всегда буду об этом переживать. Поэтому будь добр, сообщай мне, когда солдаты Вигмана засаживают тебе в туловище стрелу и едва не лишают жизни. Тебе, может быть, все равно, но мне – нет. Уяснил?

Аргон лениво кивнул, и отец взъерошил его волосы.

– Вот и отлично. Болван чертов. Хочешь, чтобы я поседел, как твой длинноволосый друг?

Мужчина сошел с места, и Аргон двинулся за ним. Эстоф был главой клана Утренней Зари, его клан был самым большим в Дамнуме и обычно люди именно к нему обращались за помощью, если им некуда было идти. У него были короткие волосы, широкие лоб и скулы. Когда-то давно он наткнулся в Долине на дикого волка, и тот оставил на его щеке три глубокие царапины, которые теперь превратились в блеклые шрамы.

– Кстати насчет Хуракана.

– Собираешься поговорить со мной о Лаохесане? – Эстоф хмыкнул. – Слышал я былины твоего старика. Он ошибается.

– А если нет?

Эстоф вздохнул. Выглядел он измотанным, но все равно спину держал ровно и шел уверенно. Он любил мать Аргона так, как не любил ни одну женщину. Когда она умерла, он перестал верить в силу духов. Боги забрали ее совсем молодой, и в этом не было справедливости. Так с какой стати он должен был служить таким богам?

Уже на следующий день он потерял силу стихий, перестал контролировать воздух и твердо решил, что смысл его жизни сосредоточен лишь в одном человеке – его сыне. И с тех пор ничто больше не имело значения. Ни боги, ни вера.

– Ты действительно надумал улететь? – Эстоф сердито нахмурился. – Сейчас?

– Природа восстала.

– Да, она иногда так делает.

– Отец...

– Не лучшее время ты выбрал для очередного путешествия. Ты нужен здесь, Аргон, в Дамнуме. Сколько можно напрашиваться на неприятности?

– Хуракан сказал, будто Алман Барлотомей убил родного брата.

– А вот это мне не нравится. – Эстоф задумчиво потер пальцами подбородок и сипло откашлялся. Он остановился перед телегой, полной мусора, и облокотился на нее. – Вряд ли Станхенг не отреагирует на потерю своего хранителя.

– Вольфман – больной мальчишка, не смейся меня.

– Не нужно недооценивать своего врага. Да, он болеет, но он все-таки сын Вигмана. Ему вряд ли понравилось, что отца зарезал родной дядя.

– Ты правда считаешь, что Станхенг восстанет?

Немного помолчав, Эстоф ответил:

– Да. И нам нужно будет выбрать сторону.

– Летающие люди никому не подчиняются, – отрезал Аргон, и отец посмотрел на него пронзительным взглядом.

– Как я тебя учил? Ветер нельзя поймать, его нельзя приручить.

– Тогда каким образом мы примем чью-то сторону?

– Нам понадобятся союзники, а не повелители, Аргон. Это разные вещи.

– То есть ты хочешь подружиться с Алманом? – Аргон почувствовал горечь на языке и недовольно фыркнул. – Этот гордец ни во что нас не ставит. Мы – мясо, которое он захочет использовать, и только.

– Да пусть катится в Тартар, если он так думает. Меня беспокоит только наш клан, и действовать я буду в его интересах. Пока рано судить, но возможно, что ситуация изменится и нам не придется воровать у соперника, а мы будем одалживать у союзника.

Молодой предводитель многозначительно посмотрел на отца и спросил:

– Ты хоть сам в это веришь?

– Уж побольше, чем в голоса, которые сказали Хуракану отправить тебя в Эридан.

– Ты всегда говорил, что риск для безмозглых идиотов.

– Да, и я имел в виду тебя.

– Разве мы не рискуем, закрыв глаза на видения Хуракана? – продолжил Аргон, не обращая внимания на ехидство отца. – Я не верю в Лаохесана. Но старик верит.

– Ты всегда доверял ему, будто он пророк Калахара.

– Огонь вел себя иначе.

– Огонь – это просто огонь.

– А ветер – это просто ветер, но я могу контролировать его. – Аргон щелкнул пальцами, и над головой Эстофа закружился вихрь, а трава пригнулась к земле. – Магия существует, а дурак Алман в нее не верит. Не будем ли мы такими же дураками, не поверив в Лаохесана?

Эстоф пристально посмотрел на сына. Аргон уже давно не был тем мальчишкой, у которого не находилось ответов на вопросы. Он спорил с отцом. Они часто ругались, но всегда говорили друг другу правду. Эстоф знал, что его сын очень любит Дамнум. А еще знал, что это место напоминает ему о том, что он хотел бы забыть. Как же ему стоило поступить – остановить Аргона или позволить ему самому принимать решения?

– Ты можешь пострадать, – наконец сказал Эстоф. – Одного я тебя не отпущу.

– Возьму с собой Нубу и Ксеона.

– А они об этом знают?

– Ставлю пятьдесят толий, что Нуба врежет мне между ног, а Ксеон перестанет со мной разговаривать. Но они все равно пойдут. Я бы пошел с ними.

– И как вы доберетесь до Рифтовых Болот? – Эстоф скептически прищурился и как следует откашлялся от пыли. – Эридан на другом конце Калахара.

– Долетим.

– Ксеон – не летающий человек.

– Сядет со мной или Нубой.

– Что насчет Змеиных жриц? Ты ведь помнишь, что о них говорят в Эридане? Они сами туда не ходят, Аргон. Даже речные шуты избегают Черной Топи.

– Да брось, отец. Я и не с таким справлялся. Меня только одно волнует.

– Что именно? – Эстоф исподлобья взглянул на сына и подошел к нему ближе. – Я, конечно, не такой старый, как Хуракан, чтобы давать советы, но все же.

– Твоим словам я доверяю больше, чем словам Хуракана, уж поверь мне.

– Тогда в чем дело?

– Может быть, я не хочу оставлять тебя одного. Мне не нравится эта история с Алманом и ураганом. Происходит нечто опасное, и я чувствую, что это только начало.

Эстоф неожиданно вспомнил свою жену, прекрасную храбрую женщину, которая смотрела на него такими же яркими зелеными глазами. Аргон был похож на нее.

– Если считаешь, что должен идти, – иди. – Эстоф кивнул. – А за меня переживать не надо, я был главой клана Утренней Зари еще до появления у тебя молочных зубов и веснушек, так что поступай как считаешь нужным.

Аргон криво улыбнулся. В нем боролись два противоречивых чувства. С одной стороны, он не хотел оставлять отца одного, потому что предчувствовал беду. Но в то же время ему хотелось сорваться с места и как можно скорее пуститься в путь, чтобы наполнить сердце жизнью, чувствами и смыслом.

Аргон посмотрел на отца и с надеждой спросил:

– Ты проводишь нас на рассвете?

– Конечно, болван, – с чувством ответил Эстоф и притянул сына к себе. – Иди сюда.

Они прижались лбами и прикрыли глаза.

– Я от тебя никуда не денусь, Аргон.

– Я узнаю, грозит ли нам опасность, и сразу же вернусь домой.

– Я буду ждать тебя на утесе. И на этот раз будь добр – прилети вовремя.

Вольфман

Милена Барлотомей держала под руку своего сына. Их волосы блестели в утреннем свете, переливаясь золотом. Мать и сын поднимались по мраморным ступеням Станхенга. Воины провожали их взглядами, стоя на площади перед величественным каменным замком, и ни единого звука не сорвалось с их губ. Каменные Сердца молчали. Город молчал.

В воздухе висела звенящая тишина.

После похоронной церемонии Вольфман Барлотомей приказал матери провести его в тронный зал. Вигман не был королем, но жители Станхенга приняли Вольфмана после внезапной смерти хранителя города. После убийства и предательства. Кто бы мог подумать, что Алман лишит жизни родного брата? Милена пыталась представить, о чем он думал, когда вонзил клинок в сердце ее мужа, и не могла.

У главных ворот к Вольфману и Милене присоединились Эрл Догмар – правая рука Вигмана Барлотомея и командующий его войском – и Хьюго Кнут, главный визирь.

На плечах Эрла Догмара сверкали начищенные до блеска доспехи, в каштановых волосах виднелась седина. У него был прескверный характер, но Вигман считал, что Догмар никогда не вонзит ему нож в спину.

Хьюго Кнут умел быть незаметным. Он был призраком в Станхенге, несмотря на толстый живот и нелепые курчавые волосы. Ему нравилось вести беседу, а не поддерживать ее. И он возглавлял совет Вигмана. Кнут был единственным человеком, который предвидел недовольство Алмана Барлотомея. Но даже в самых диких мыслях Вигман не мог представить, что встретит свою смерть от руки брата.

– Дядя не берет меня в расчет, – пожаловался Вольфман, оказавшись в просторном тронном зале, и отошел от матери. К трону вел коридор из гигантских мраморных колонн и обсидиановых ступеней. В них отражались солнечные лучи, прорывающиеся сквозь огромные витражные окна. Зал в Станхенге был светлым, в отличие от сумрачного зала Арбора. Вот только на трон больше некому было садиться. Вольфман с грустью посмотрел на красное сиденье. – Это конец?

– Конечно, нет, – решительно отрезал Эрл Догмар. – Мои люди...

– ...уже перебираются в лагерь Арбора, потому что, как бы отчаянно они ни любили Вигмана Барлотомея, их король – Алман Барлотомей Многолетний. – Кнут сложил на животе толстые пальцы.

– У нас нет шансов?

– Шансы всегда есть, мой юный друг. Но они ничтожно малы.

– Нельзя оставить смерть Вигмана безнаказанной. – Грубый тон Догмара выдавал его с головой. Начальник войска, безумец и убийца, он кидался в бой не раздумывая и часто не обращал внимания на расположение сил. Догмар должен был просто выполнять приказ, а Кнут привык приказы обдумывать.

– У нас мало ресурсов и нет способа воздействия, – сказал он.

– У нас есть преданные люди.

– Которые забудут о своей преданности, едва разговор зайдет о жизни их родных.

Вольфман посмотрел на мать. Все это время она стояла в стороне и молчала. Милена не знала, как найти в себе силы двигаться дальше. Болезненный вид сына пугал ее. Смерть мужа пугала ее. Жизнь нестерпимо пугала Милену, и она терялась в догадках: как быть с тем, что оказалось в разы опаснее? Никогда прежде она не ощущала себя настолько уязвимой. Она горевала по мужу и мечтала отомстить за него, но боялась, что в погоне за местью раньше срока потеряет и сына.

– Эта земля, эти люди... все принадлежало твоему отцу, – наконец сказала она. Ее руки сжались в кулаки, и она серьезно посмотрела на Вольфмана. – Теперь все принадлежит тебе.

– Я не король Вудстоуна.

– Ты владелец Станхенга.

– Люди не пойдут за смертельно больным семнадцатилетним юнцом. Я выгляжу в их глазах слабым. Потому и отец мертв, что я – не угроза!

Милена Барлотомей решительно подошла к сыну и схватила его за руки. В эту минуту она была той самой женщиной, на которой женился младший сын Барлотомеев, – ледяной леди Станхенга Миленой де Труа. Ее малахитовые глаза вспыхнули лютым гневом.

– Так докажи, что они ошибаются.

Вольфман вдохновенно расправил плечи, но посмотрел на каскад ступеней, что вели к красному трону, и представил, как трудно ему будет туда забираться.

Он выпустил руки матери, провел ладонью по лицу и пошел к трону, прекрасно осознавая, что никогда не сможет заменить отца. Он не был даже тенью Вигмана Барлотомея. Но он мог отомстить за него или хотя бы попытаться. Вольфман преодолел пять ступеней и уже начал задыхаться. Затем поднялся еще на десять.

Он неуклюже добрался до трона и с усилием вдохнул прохладный воздух. Милена с восхищением смотрела на сына, а Кнут и Догмар предвкушали шахматную партию. Когда Вольфман присел на кроваво-красный трон, у него внутри что-то перевернулось. Он вдруг понял, что может сделать нечто важное, несмотря на свой страшный недуг.

Впервые он почувствовал вкус власти, отчего голова пошла кругом, а сердце забилося чаще.

– Кнут прав, – досадливо сказал Вольфман, – большинство людей уйдут к дяде.

– Это можно было бы исправить, приплатив им пару лишних толий...

– Я не смогу приплачивать им вечно, а кто ушел однажды – уйдет еще раз.

– И что же вы предлагаете, мой юный друг?

Вольфман задумчиво посмотрел на голубые вены на своих слабых руках. Словно реки, они поднимались по запястью и бежали к локтю. Юноша взглянул на главного визиря и наклонил голову к нему.

– Нам нужны союзники. – Эти слова сорвались с языка удивительно легко. – Это же очевидно.

– И с кем нам сотрудничать? – скептически бросил Догмар. – С летающими людьми, которые сами определиться не могут, один у них клан или несколько, служат они Эстофу или Ровену, Нириане или Кигану? А может, обратимся сразу к верующим речным фанатикам? Уж они-то со своей Пифией не сунутся в войну.

– У Алмана есть план, он убил моего отца с определенной целью. Что если эта цель – подчинить себе не только весь Вудстоун, но и весь Калахар? Союз с Эриданом нужен нам так же, как и Эридану союз с нами.

– У нас разные религии.

– На войне это не проблема.

– Речные люди не солдаты, они не умеют сражаться!

– Тогда тем более им пригодится наша помощь.

– Но как можно заключить союз с этими дикарями? Атолл Полуночный – человек, для которого важны лишь рыба в море да журчание водопадов. Сегодня он на нашей стороне, а завтра ему покажется, что у Пифии поменялось настроение.

– Скрепим союз на кровном уровне. Семейные узы для них священны.

Милена застыла, услышав слова сына. Она приблизилась к ступеням и недоуменно свела светлые брови:

– О чем ты, Вольфман?

– Не торопитесь, мой друг, – вмешался Кнут, – такие решения...

– Нам нужны союзники! – перебил визиря Вольфман и нервно вскочил с трона. – С Дамнумом найти общий язык трудно. Но с Эриданом мы договоримся. Нужно пообещать Атоллу Полуночному то, от чего он не сможет отказаться.

Вольфман замолчал на какое-то мгновение, а потом перевел дыхание и твердым голосом отрезал:

– Я предложу ему Станхенг. Я женюсь на одной из его дочерей.

Догмар отступил назад, как от крепкой пощечины, а Кнут наоборот поспешил к королю, округлив и без того большие глаза.

– Позвольте сказать, ваша милость, что это крайне плохая идея.

– И чем же она плоха? Нам нужен Эридан.

– Но вы... вы же должны понимать, что... случись что-то с вами... – визирь говорил очень осторожно, боясь ненароком задеть юные чувства, – Полуночная станет хранительницей Станхенга, а в случае победы над Алманом и всего Вудстоуна.

– Я знаю, – беспечно ответил Вольфман, отчего лицо Кнута побледнело.

– Знаете...

– Я умру рано или поздно, а девчонкой легко помыкать. Вам так не кажется?

– Но за ней стоит Атолл Полуночный, вождь речных шутов, – вмешалась Милена, – а он не глупец, Вольфман. Пусть его и не прильщает власть, но он мудрый правитель.

– А за мной стоишь ты, – с нажимом отчеканил юный король, шагнув к ступенькам, – за мной стоит самая могущественная династия Калахара. И мы выиграем эту войну, подчиним себе Арбор, а затем и Эридан. Мы построим новый мир. Дочь Атолла станет женой Барлотомея, и она будет делать то, что мы ей скажем, – губы Вольфмана тронула усмешка, – она будет делать то, что ей велит ее *новый дом*.

Фьорд

Фьорд не спал. Он касался ладонями и коленями травы и читал молитву, поглядывая на небо. Сегодня оно казалось не таким, как обычно. В саду его матери Мореин Полуночной цвели красные розы. Она любила собирать их на закате. После ее смерти розы завяли все до единой.

Рассвет сегодня был точно таким, как и алые розы из маминого сада, – ярким и кровавым.

Фьорд заметил сестру. Он резко поднялся на ноги и прошептал:

– Жива.

Эльба двигалась по тропе. У нее были грязные волосы, платье порвалось во многих местах. Нимфа брела домой в надежде поскорее забраться на самый высокий водопад, дабы убедиться, что бухта не уничтожена огненными языками и не поглощена угольным дымом. Она едва не прошла мимо брата, но он выбежал к ней навстречу.

– Эльба, – Фьорд затормозил перед сестрой, – ты вернулась. Слава богам!

– Вернулась.

Брат и сестра посмотрели друг на друга. Фьорд вдруг подумал, что Эльбе холодно, и решительно стянул со своих плеч льняную накидку.

– Держи.

– Я должна поговорить с отцом.

– Тебя долго не было. Почему ты так задержалась?

– Меня не было одну ночь.

– Ночь? – Фьорд нахмурился. – Эльба, мы ждем тебя двое суток. Отец места себе не находит. Вчера я ходил вместе с ним на болота, но тебя там не было.

Двое суток? Эльба в растерянности округлила глаза. Как такое возможно? Она не сворачивала с пути, не задерживалась в Черной Топи. Неужели время в Рифтовых Болотах течет иначе? Впрочем, теперь ее трудно удивить.

– Я не хотела вас беспокоить.

Голос Эльбы был совершенно иным. Фьорд хорошо знал ее и сейчас чувствовал, что смелая своенравная Эльба дрожит от страха. Раньше она никогда не дрожала от страха.

Эльба набросила на плечи накидку Фьорда и пошла к дому. Брат шел рядом. Ему хотелось спросить, что случилось в Рифтовых Болотах, но внезапно он заметил на шее сестры маленькие свежие ранки.

– Что это?

– Где?

– Тебя кто-то укусил.

Эльба поежилась и тихо ответила:

– Так было нужно.

– Ты узнала, почему боги разгневались? Отец ждет ответа.

– Мой ответ ему не понравится.

Эльба ускорила шаг, но Фьорд взял ее за руку и потянул обратно.

– Что с тобой? Ты какая-то другая.

– Другая? – Эльбу трясло. Ее не отпускал дикий страх, хотелось сорваться с места и убежать. Ей пришлось пройти через змеиное болото, ее укусила черная гадюка, она увидела гибель Дор-Валхерена, а еще она увидела их маму, мертвую, с серой кожей и острыми клыками. Эльбе хотелось навзничь упасть на землю, но она не поддавалась слабости, а просто ответила:

– С Черной Топи никто не возвращается прежним.

И вновь пошла вперед.

Эльба

Эльба задумчиво сидела перед небольшим озерцом. В нем отражалось ее искаженное лицо. Иногда она видела в себе черты матери, но сегодня не заметила ничего родного в своих голубых глазах, иссиня-черных локонах и острых скулах.

Мама умерла или нет? Кто была та женщина, которая прокляла ее?

«Пока жизнь не победит смерть». Эльба будет терять близких *вечно*. Сердце разрывалось на части, и ей хотелось зарычать от злости и обиды. Она смотрела в воду, но видела лишь перепуганную незнакомку. Почему эта дрожащая девчонка не могла взять себя в руки? Здесь, в окружении плачущих ив, ей всегда было спокойно, но сегодня укромное место, спасающее от печали, превратилось в клетку.

– Я знал, что ты будешь здесь, – сказал Атолл Полуночный и подошел к дочери. На нем был блекло-коричневый кафтан с ритуальными стружками на рукавах, и на какое-то мгновение Эльбе показалось, что вместо рук у отца крылья. – Ты цела?

Эльба не ответила. Она сидела на холодной земле и рассматривала отражение яркого солнца. Озеро особенно красиво переливалось нежными цветами на рассвете, и на душе у нее стало совсем невыносимо: мама любила это место, а Эльба любила маму.

– Нужно вернуться в замок. Мы должны...

– Мама была там, – перебила она отца. Эльба наконец нашла в себе силы встать и с упреком посмотрела на Атолла. – Она была на Рифтовых Болотах. Я не ожидала, что именно она потребует от меня платы.

Атолл нахмурил седые брови.

– Морейн умерла.

– Она. Стояла. Там.

– Твоя мама скончалась при родах, – настаивал отец, – а на болотах ты встретила с совершенно чужим человеком. Такова цена, Эльба.

– Цена чего?

– Знания.

Эльба фыркнула и отвернулась. Она скрестила на груди руки и нервным шагом прошла вдоль озера, пытаясь унять ураган в мыслях. Родной дом пугал Эльбу. Она видела, как он сгорал, как сгорали люди, как иссохли реки, а солнце спалило Эридан.

– Безумие, – она прошла ладонями по волосам, – они мне соврали.

– Кто?

– Жрицы.

– Жрицы не врут.

– Ты не понимаешь.

– Чего, Эльба? – Атолл наклонил голову. – Что тебе показали черные ведьмы? Если это как-то связано с морским зверем...

– Это связано со всеми нами, отец, – воскликнула дрожащим голосом девушка и так на него посмотрела, что тот застыл от тревоги. – Эридан был уничтожен. Дым... он был повсюду. Горящие люди и их крики... А потом...

– Что?

– Лаохесан.

Страшное имя сорвалось с ее губ, и Атолл Полуночный отступил назад, будто его ударили по лицу. Серые глаза вождя наполнились ненавистью.

– Не может быть.

– Ты сказал, жрицы не врут. Они могут ошибаться? – Эльба подошла к отцу. С детства ей рассказывали об огненном Лаохесане, о всаднике, который хотел подчинить себе весь Калахар,

но едва не уничтожил всех людей. Лаохесан являлся детям в ночных кошмарах, речные люди говорили о нем шепотом.

Эридан помнил о своем прошлом. Вудстоун и Дамнум – нет. Испугались бы они так же сильно? Почувствовали бы они нависшую над их головами угрозу?

– Это же легенда, – тихо сказала Эльба.

– Так говорят глупцы.

– Ты хочешь сказать, что жрицы не обманули меня?

Атолл Полуночный отвернулся. На его плечи внезапно свалилась непосильная ноша, из-за которой он рисковал потерять все, что было дорого. Прекрасный рассвет омрачился одним-единственным словом, которое не произносилось уже десятки лет, но для тех, кто помнил, не утратило значения. Когда-то давно Мальстром, отец Атоллы, сказал, что у каждого вождя свой крест. Знал ли Атолл, что его крестом будет проклятье предков?

– Вчера пришла плохая весть, Эльба, – устало проговорил он. – Я чувствовал, что нас ждут огромные перемены, но даже не догадывался, какие именно.

– Что произошло?

Немного погодя отец продолжил:

– Алман Многолетний убил своего родного брата. Он нарушил клятву.

Надежды Эльбы разлетелись, словно стая птиц. Она смотрела отцу в глаза и старалась не дрожать, хотя ее словно обдало невероятным холодом. Дым, крики, огонь... Все, что она видела, было видением, а не ловушкой. Жрицы показали ей будущее.

– Мы с тобой прекрасно понимаем, что черные ведьмы сказали тебе правду. Всадник вернется, Лаохесан возродится. И нам придется вновь столкнуться с ним лицом к лицу. В этой борьбе нам не победить самим, Эльба. Мне придется согласиться.

– Согласиться? – в недоумении переспросила нимфа. – Я так устала, что не успеваю за твоими мыслями, прости.

– Нет, это ты прости меня.

– Что... – Эльба запнулась. – О чем ты говоришь?

– Вигман Барлотомей мертв. Наверняка Алман рассчитывал, что Станхенг станет его собственностью. Но Вольфман оказался упрямым мальчишкой. Теперь он не просто сын главнокомандующего – его короновали, и он собирает войско, чтобы отомстить за отца.

– Ты согласился дать ему людей? Но речные люди – не воины.

– Если Лаохесан возродился, нам придется ими стать. Вольфман думает, что угроза в его дяде, но он даже не представляет, что нас ждет в будущем. Ты должна будешь объяснить.

– Я? – растерянно переспросила Эльба.

– Ты.

Атолл стоял перед дочерью с выпрямленной спиной, такой высокий, широкоплечий – вождь всего Эридана, предводитель речных людей! И абсолютно беспомощный отец, которому ничего не стоило предать ребенка ради спасения родных земель.

– Вольфман Барлотомей предлагает объединить земли.

Эльба застыла. Она начала понимать, к чему клонит отец, и вдруг ощутила, как огнем вспыхнули щеки, кулаки, сердце.

– Мы и не рассчитывали на поддержку такого мощного союзника, у него есть Каменные Сердца...

– Нет.

– У него есть армия, – настоял вождь, подойдя к дочери, – он болен, Эльба, и если ты поедешь в Станхенг, его армия станет твоей.

– Ты не можешь, – прищурившись, зашипела девушка, – ты не посмеешь.

– Будь покорной.

– Ты продаешь меня!

– Это выгодный союз! Подумай о народе, о Лаохесане. Ты сама видела, что нас ждет.

– Не притворяйся, будто это нормально! – разозлилась Эльба и пригнулась, будто змея перед атакой. – Это мой дом. Ты – мой дом! Как ты можешь так просто...

– Это совсем не просто, Эльба! – в отчаянии прокричал отец и взял руки дочери в свои. Его серые глаза наполнили печаль и решимость. – Это не обсуждается. Ты поедешь, потому что ты дочь вождя и тебе придется ставить интересы людей выше своих.

– Я не вещь, – зашептала она, – не вещь, не подарок, не оружие.

– Я знаю.

– Тогда почему отдаешь меня?

Эльба знала почему. Она все прекрасно понимала, но внутри было так больно, что переворачивались привычные понятия о долге и чести. Ей было трудно дышать, стоять, трудно было говорить, потому что слова обжигали язык.

– Вчера я собирался ответить отказом. Ты моя дочь, Эльба. И того, как я люблю тебя, Фьорда и Рию, не описать словами. Но ты сама видела, через что нам предстоит пройти. Будь то война между Арбором и Станхенгом, мы бы нашли иной способ защититься. Но Лаохесана в одиночку не победить. Эта война затронет весь Калахар. Если у нас не будет союзников, мы погибнем и нечего будет спасать, не к чему будет возвращаться.

Атолл не должен был оправдываться, не должен был объяснять дочери, почему он принял такое решение, но он говорил, потому что чувствовал себя предателем. В Эридане семейные узы превыше всего. Он смотрел, как Эльба плакала, и его собственное сердце болезненно сжималось.

– Люди Вольфмана прибудут через несколько дней. – Атолл отпустил руки дочери и отошел. – Тебя будет сопровождать Фьорд. Мне нужно остаться здесь, в Дор-Валхерене.

Эльба опять не ответила. «Немая стрела» – тот самый пронзительный взгляд, полный глубокой обиды и свирепости.

– Когда-нибудь ты меня поймешь.

Атолл ушел, и Эльба раскрыла рот, чтобы втянуть больше воздуха.

Мир раскололся на тысячи частей, мир взорвался и безжалостно вспыхнул. Эльба без сил упала на траву и впилась ногтями в ледяную землю. Она была дома, но чувствовала себя здесь чужой и покинутой. Никто бы не разделил ее чувств и не смог успокоить. Пифия прогоняла ее и не объясняла, что Эльба сделала не так, в чем провинилась.

Что ее ждало в Станхенге? Каким был Вольфман Барлотомей? Сумеет ли она когда-нибудь забыть слова отца, понять и простить его? Эльба закрыла ладонями лицо, слыша в своей голове змеиное шипение.

Она впервые ощутила себя по-настоящему одинокой. Ею распоряжались как хотели. Она была рычагом, условием, страховкой. Ее не воспринимали всерьез, ею пользовались, облагораживая поступки словами о долге и чести. Но Фьорда не заставляли покидать родной дом, и отца в свое время не заставляли покидать родной дом. Они говорили, и их слушали. Но ее слова были никому не нужны.

Эльба открыла глаза и посмотрела на свое отражение. Оно казалось на удивление четким. Эльба всматривалась в него, изучая свои глаза и волосы, губы, плечи, румяные щеки и нос, а затем шлепнула ладонью по воде и отвернулась.

Когда-нибудь к ней станут прислушиваться. Когда-нибудь ее слова будут иметь вес. Она добьется этого во что бы то ни стало.

Ксеон

– И нас пустят в Черные Топи, потому что... – Ксеон посмотрел на Аргона и прищурился. Высоко в небе дул прохладный ветер. Друзья летели в Эридан, намереваясь пойти на крайние меры, которые Нуба грубо назвала «миссией олухов».

Никому в голову не приходило, что можно взять и наведаться в Рифтовые Болота. А Аргон подумал, что это отличная идея. Ксеон ему даже не сразу поверил – решил, что тот надышался пылью или, возможно, головой ударился, когда разбирал завалы.

Но Аргон был серьезен.

– Мы идем за советом, – сквозь шум и свист ветра ответил предводитель. Его волосы развевались бронзовым пожаром. – Все мирно. Никакой подставы.

– Никакой подставы, – заворчал Ксеон, крепче обняв Нубу. – Поверить не могу, что ты сказал это. Никакой подставы в змеином логове... никакой...

Его возмущение потонуло в воздушных вихрях, и ястребы одновременно взмахнули гигантскими крыльями. Птица Нубы по размеру была больше птицы Аргона, но его ястреб считался самым быстрым в Долине Ветров.

Обычно силфы приручают взрослых птиц, но когда Аргону исполнилось десять, он случайно нашел птенца в горном ущелье. У него были тонкие перышки, которые с возрастом стали иссиня-черными. Никто не видел более благородной и преданной птицы. Аргон заботился о ней как о члене семьи, правда, имени не дал, решив, что не в его власти ставить клеймо на живом существе.

– Черный Ястреб собирается покорить Черные Топи, – протянула Нуба и улыбнулась. Она переглянулась с Ксеоном, а затем покосилась на Аргона. – Мы отменно повеселимся.

– Да, если Ксеон перестанет ныть.

– Я пытаюсь продумать план, которого у тебя нет.

– Ты же сам рвался из Дамнума, хотел увидеть другие земли.

– Да, – Ксеон округлил глаза, – хотел *увидеть*. Это ключевое слово, друг. Мертвые мало что видят, кроме пустоты и твоих рыжих веснушек.

– Моих рыжих веснушек, – Аргон улыбнулся, – как остроумно.

– Вы оба сейчас получите по лбу, – возмутилась Нуба, крепче сжав перья своего ястреба, и вытянула шею. – Почему бы вам не обсудить Алмана и его безрассудный поступок? Этот сумасшедший убил родного брата. Вам не страшно?

– Страшно? – не понял Ксеон.

– Мы на пороге войны. Все перевернулось с ног на голову.

– Мы и раньше сталкивались с Каменными Сердцами, – бросил Аргон. – Справимся.

– Ты ничего не знаешь о войне, дурень. Тут надо будет не воровать. Сколько солдат ты убил? Сколько раз доставал свой клинок из чьей-то глотки? Ты видел человека, захлебывающегося кровью? А может, видел, как он рыдает от страха?

– Мы не знаем точно, будет война или нет, – ответил Аргон и затянул ремень на плече. Ему не хотелось сейчас думать о том, что ждет Дамнум. – Будем волноваться, когда в этом будет смысл. Что толку сейчас болтать попусту?

– Верно, – согласился Ксеон. – Наши слова делу не помогут.

Птицы громко закричали, пролетая над границей между Вудстоуном и Эриданом. Они уже сутки были в пути, жутко проголодались и устали. Однако Ксеон запретил жаловаться всем, кроме себя самого, и пообещал раздать припасы на земле, как только исчезнет искушение повернуть обратно. Ксеон не любил попадать в неприятности, но дружба с Аргоном не оставляла вариантов. Бесстрашный предводитель нуждался в расчетливом друге, и Ксеон был таким при каждом удобном случае. Родителей своих он не знал, но они определенно не были

жителями Дамнума, потому что приручать птиц у Ксеона не получалось, зато он отлично стрелял из лука. Возможно, в его роду были речные люди или гордецы из Вудстоуна. По крайней мере, он надеялся, что семья у него когда-то была, пусть он ничего о ней и не помнил.

Когда Ксеон увидел водопады Эридана, у него перехватило дыхание. Он изумленно округлил глаза и почувствовал, как Нуба отклонилась назад. Путники, глядя на грохочущие водные массивы, на белый туман, карабкающийся по скалам, онемели. Не было слов, чтобы описать красоту речных земель.

Аргон замер, рассматривая извилистые реки. Ксеон заметил восхищение в его глазах. Ему наверняка хотелось спуститься, чтобы коснуться воды.

– Не сегодня, – сказал он другу, – это место никуда не денется.

– Фиэнде-Фиэль ничем не хуже.

Ксеон видел, что он лукавил. Летающие скалы поражали воображение, но бухта Дор-Валхерен олицетворяла собой все самое красивое, что существовало в Калахаре. Это касалось не только просторов, но и женщин. Мужчины рассказывали истории о речных нимфах, от которых невозможно было оторвать глаз.

С высоты птичьего полета Рифтовые Болота представляли собой длинный холмистый хребет, напоминающий толстую змею, пытающуюся проглотить свой хвост. Воображение Ксеона сразу нарисовало гигантских скользких существ, которые захотят полакомиться его внутренностями. Наверное, об этом же подумала Нуба, потому что она напряглась и прошептала:

– Какое живописное место.

Черные уродливые деревья стояли прямо в болотах. Ветви, будто костлявые пальцы, тянулись к небу. Возможно, они пытались схватить незваных гостей.

Прохода в болота видно не было. Аргон спикировал вниз, чтобы изучить топи, а потом подлетел к друзьям и сказал:

– Вход под землей.

– Уверен?

– Где обычно живут змеи?

– Я бы предпочел, чтобы они вовсе не жили.

– В норах. – Аргон посмотрел на Ксеона. – Нужно приземлиться и все обсудить. У меня есть идея, но она вам вряд ли понравится.

Ястребы сели в стороне от Рифтовых Болот, на небольшой поляне, где на поверхности извилистой реки играло солнце. Вокруг стоял тухлый тяжелый запах. Туман облачным ковром зеленоватого цвета стелился по траве. Когда Ксеон спрыгнул с ястреба, дымка под его ногами взметнулась вверх и разлетелась в стороны.

Аргон подошел к высокому дереву и привязал поводья к кривой ветви.

– Не скучай без меня, – прошептал Аргон и погладил ладонью черные перья ястреба. Тот наклонил клюв к нему, закрыв глаза. – Я скоро вернусь.

– Держи. – Ксеон отломил кусок хлеба и протянул его Аргону. – И тебе.

Нуба с жадностью впиалась зубами в черствую булку, прикрыла глаза и застонала:

– Убила бы за рисовую лепешку!

– В Эридане такого не делают. Наверное, речные люди только рыбой и питаются.

– Ну и олухи.

– Уверен, что и они о нас не лучшего мнения. – Аргон потер переносицу. Его клонило в сон, но сейчас не было времени на отдых. Он встал перед друзьями и так громко вздохнул, что Ксеон поморщился.

– Собираешься поведать план? Подожди, я присяду.

– Собираюсь испортить вам настроение.

– Что может испортить нам настроение? – пробубнила Нуба. У нее были ужасные широкие брови, которые соединялись в одну линию, когда она хмурилась. Сейчас она выглядела довольно смешно, но Ксеон не рассмеялся. Его беспокоил Аргон, у которого созрел очередной план, как бы им свести счеты с жизнью.

– Входов несколько. Нам подходит только один, и он не самый лучший.

– Я видела дыру посреди болота. Ты про нее?

– Собираешься нырнуть в вязкую жижу, даже не представляя, сколько плыть? – едва сдерживая ругательства, спросил Ксеон и все-таки уселся на изогнутый ствол дерева.

– Нет. Там был еще один проход – длинный коридор, окруженный лианами. Он ведет к пещерам. Наверное, через него проходят речные люди. Воды там примерно по пояс.

– Пройти вброд сможем?

– Думаю, да. – Аргон шмыгнул носом и оглядел местность. – Проблема в том, что этот десятиметровый коридор усеян всякой дрянью. Я не подлетал близко, но все равно увидел спины сплетенных в клубок змей. У меня есть идея, как нам пройти без потерь, но прогулка предстоит не из приятных.

– И потому мы принесли с собой это. – Ксеон вынул из ножен широкий клинок, и на его лице появилась самодовольная ухмылка. – Сработает, если делать все быстро. Разве папа не учил тебя отрубать змеям головы?

– Мой отец учил меня избегать кровопролития.

– Ну да, – приснула Нуба, – на какой день рождения Эстоф подарил тебе нож?

– На пятый, кажется, – ответил за друга Ксеон. – Ты возился с ним как с игрушкой.

– Уметь пользоваться клинком и использовать его – разные вещи, болваны. Мой отец говорил, что учит меня обращаться с ножом, чтобы я управлялся с ним правильно.

– То есть отрубал головы тем, кто тебе не по нраву.

– То есть спасал свою жизнь, а не лишал жизни кого-то, – отмахнулся Аргон.

Друзья улыбались, искоса поглядывая на него. Он умел убивать, но никогда не хвалился этим. Клинок оберегает, а не атакует – так говорил отец, и Аргон верил ему.

Он затянул кожаные ремни на груди и поправил клетчатую накидку. Его взгляд устремился на болота. Пройти топи в одиночку сложно. Возможно, ему не стоило полагаться на чью-то помощь, ведь она могла дорого обойтись. Аргон посмотрел на Нубу, которая проверяла стрелы в колчане Ксеона. На ней висела одна из самых толстых медвежьих шкур, которую им доводилось выкрасть. Пот скатывался по ее смуглому лбу, но шкуру она не снимала. Наверное, она напоминала ей о доме, о том, кем она там была. Поговаривали, что они с Нубой были родственниками. В ее жилах, как и в его, текла кровь летающих людей. Быть может, ее отец приходился Эстофу братом.

– Змеиными жрицами становятся только женщины, – осторожно протянул Аргон, и его губы тронула легкая усмешка. – Может, последуешь за птицами?

– Ты в промежность надумал получить?

– Милая, ты всегда умела читать мои мысли.

– Не зли меня. – Нуба сдула пыль с наконечника стрелы и посмотрела на Аргона. – Может, сам за птицами присмотришь, пока мы с Ксеоном обо всем позаботимся?

– Ты ведь у нас плавать не умеешь, – улыбнулся Ксеон, – а повсюду болота.

– Иногда я жалею, что все вам рассказываю.

Аргон вытащил клинки, а Ксеон посмотрел на подругу. Они знали, что Аргон не мог иначе. Они дружили с детства. Аргон научил Ксеона воровать, а Аргона ловкости рук научила Нуба. У них сложилось крепкое трио, которое то уважали, то осуждали в деревне. Неизменным оставалось лишь количество друзей, количество клинков и количество острых подколов, которыми они одаривали друг друга.

Когда троица пустилась в путь, солнце было в зените, а над болотами появилось черное облако, испускающее отвратительный запах. Ксеон осторожно ступал по сухим холмикам и следил за спиной Аргона. Предводитель не мог идти позади, он всегда вел людей за собой, даже если в этом не было необходимости. Ксеон изучал бурлящее болото пронзительным взглядом, сжимал в пальцах меч и думал о том, как бы поскорее вернуться к птицам, чтобы покинуть проклятую землю.

– Может, нужно было обратиться за помощью к Атоллу Полуночному? – спросила Нуба, нервно оглядываясь. Болото шипело и наводило ужас.

– Он бы не разрешил нам навестить их сгнивших предков.

– Каких еще предков?

– После смерти женщин королевской крови относят сюда.

– Откуда ты знаешь? – нахмурился Ксеон. – Опять Хуракан сказки рассказывал?

– Хуракан много чего знает. У нас нет причин не доверять ему.

– Кроме той причины, что сейчас мы рискуем своей жизнью вдали от дома.

Аргон хотел ответить, но только прикрыл глаза и вздохнул. Верить во что-то – право каждого живого существа. Аргон верил в предания Хуракана. Но Ксеон и Нуба не обязаны были делать то же самое. Им стоило верить лишь в самого Аргона.

Неожиданно прямо из-под его ноги выползла огромная змея. Она зашипела, кинувшись вперед, и Аргон инстинктивно взмахнул мечом. Зеленая голова с глухим стуком упала рядом с дергающимся хвостом. Аргон отвернулся, стиснув зубы, а Ксеон приблизился к нему и протянул:

– Кажется, отец все-таки научил тебя сносить головы.

Он похлопал Аргона по спине, и тот опустил нож.

Зеленоватая пелена плавала в воздухе вместе с пылью. Путники подошли к проходу и остановились, изучая арку из сплетенных лиан. Они видели лишь черный коридор и каменную плиту с кровавыми рисунками. Ксеон шумно выдохнул. Как же он ненавидел змей!

– Я попробую сделать проход, – заявил Аргон, пройдя вперед.

– Каким образом?

Аргон спрятал меч в ножны, сосредоточился и вытянул перед собой руки. Ветер ударил ему в спину, прокатился невидимой волной по грязной воде и внезапно стих.

– Что...

Аргон шелкнул пальцами, вихрь закружился над сводом из лиан и вновь утих.

– Не получается...

– Что именно?

Аргон был упрямым. Он подошел ближе к воде и еще раз представил, как болото расходится в стороны, образуя небольшой коридор, по которому можно было бы пройти до плиты предков Эридана. Но ничего не вышло. Силы разом покинули тело, и Аргон, сторбившись, отступил назад.

– Воздух не слушается меня.

– Не может быть, – засомневалась Нуба и подошла к другу. Она взмахнула рукой и с тревогой наклонила голову. Впервые за всю жизнь ветер ей не подчинился. – Как такое возможно? Мы потеряли дар?

– Наверное, он здесь не работает, – предположил Ксеон. – Черные Топи – самое отвратительное место Калахара, чего вы от него ожидали? Слушайте, почему бы нам не пролететь тут на ястребах?

– Рискнуть птицами? – Нуба округлила карие глаза. – Ты что, рассудка лишился, дубина? Хотя о чем это я, тебе-то рисковать ничем не придется.

– Лучше рискнуть птицей, чем собой.

– Так может сказать только самый настоящий болван.

– А еще тот, кто не летает на этих птицах, – съязвил Ксеон. – Не идти же нам...

Аргон решительно шагнул вперед. Он приподнял руки и нахмурился, все тело будто сковала судорога. Под его ногами что-то зашевелилось. Он планировал пройти по сухой земле, воспользовавшись силой стихий, но, видимо, у духов были другие планы.

– Ты что делаешь? – возмутилась Нуба.

– У нас нет времени на разговоры, – ответил Аргон.

– Тебя могут укусить.

– И я могу умереть.

– Ты смеешься?

Аргон обернулся и с кривой ухмылкой кивнул:

– Мне так смешно, что живот сейчас лопнет.

Он продолжил идти по болоту с улыбкой на лице, а Ксеон спрятал нож и недовольно передернул плечами. Ему совершенно не хотелось ступать в вязкую жижу, в которой водилось огромное количество тварей, желающих его убить. Но его мнение не волновало Хуракана, стихии, богов и прочих олухов. И потому он полез в болото, активно двигая ногами, чтобы нагнать друга.

– Иногда мне хочется свернуть тебе шею, – признался Ксеон.

– Не ври. Ты без ума от меня.

Ксеон со свистом выдохнул, увидев, как прямо перед ним проплыла красная змея, и нервно отступил в сторону. Сколько же чертовой нечисти ползало по его ногам? Он даже думать об этом не хотел. Но об этом думала Нуба. Она схватилась дрожащими пальцами за его плечо.

– Кто-то ползет по моей спине.

– Аргон, напомни, пожалуйста, зачем мы здесь?

– Вы безмозглые болваны.

– Да, точно. Мы твои друзья. – Ксеон увидел толстую спину над водой и резко выхватил из ножен меч. Дыхание сбилось. Желтые чешуйки блеснули в крошечной темноте и скрылись под коричневой толщей. – Долго еще?

– Почти дошли.

Ксеон обернулся, чтобы посмотреть на каменную плиту, и скривился:

– Ты чертов ветроплой! Мы и половины не прошли.

– Зачем же тебя расстраивать?

– Неважно, что ты скажешь, я все равно расстроюсь.

– Тогда ни о чем меня не спрашивай.

– Вы можете оба заткнуться? – разозлилась Нуба, испуганно оглядываясь. – Вы привлекаете внимание. Идите тихо, иначе ваши глупые головы проглотит какая-нибудь ящерица, и клянусь, я не стану ей мешать.

Аргон медленно вытаскивал острый клинок, когда вода поднялась до его плеч. Он чувствовал, как ледяные хвосты ползают по его спине, но надеялся, что ни одна из змей не захочет полакомиться им. *«Главное – правильно дышать»*. Да. Отец не давал глупых советов. Ксеон шел рядом с ним, их локти соприкасались. Шипение доносилось отовсюду, даже от стен. Может, это были вовсе не лианы? Аргон не собирался погибать по глупости. Друзей он также старался держать в поле зрения.

– Что будет, когда мы придем? – спросил Ксеон.

– Попробуем поговорить.

– А если не получится поговорить?

– Попробуем убежать.

– Исчерпывающий ответ.

– Других у меня нет, – тихо отозвался Аргон. – Я предупреждал, что лететь со мной опасно. Ты все еще можешь повернуть обратно.

Ксеон, конечно, мог, но не сделал бы этого. Он лишь крепче сжал пальцами рукоять меча. Нуба прижалась к нему так сильно, как никогда раньше. Он вскинул брови, но ничего ей не сказал. Возможно, ей действительно было очень страшно. Нуба следила за водой и дергалась от каждого холодного прикосновения. Вдруг она почувствовала, как земля под ногами зашевелилась, и внезапно провалилась ногой в яму. Тело свело судорогой, а перед глазами вспыхнули яркие искры. Девушка в панике остановилась.

– Моя лодыжка... – прохрипела она. – Я за что-то зацепилась!

– Дерни посильнее. – Ксеон взял ее за руку. – Получается?

– Не получается.

– Дерни еще раз.

– Не выходит! Помоги же мне, черт возьми.

– Только не кричи.

– Сам не кричи, болван!

– Что у вас там? – Аргон обернулся и медленно подошел к ним, пробираясь сквозь толщу густой жижи. – Ты в порядке?

– Я пошевелиться не могу. Нога в какой-то канаве, и я...

– Возьми.

Аргон отдал свой меч Ксеону и стремительно погрузился под воду – это был один из самых безумных поступков в его жизни, но он не придавал этому значения.

Аргон схватил руками ногу Нубы и дернул ее вверх, но безуспешно. Канавка была достаточно глубокой, и вокруг лодыжки девушки успели обвиться прочные корни. В руках Аргона появился острый клинок, которым он мог мастерски пользоваться даже с закрытыми глазами. Одно движение – и нога Нубы оказалась на свободе. Девушка прошла вперед, а Аргон вынырнул, сбросил с плеча змею и судорожно втянул терпкий воздух.

– Как водичка? – пошутил Ксеон. – Эридан славится своей целебной грязью.

– Значит, я выберусь на берег еще бóльшим красавчиком.

– Жаль, болота не избавляют от веснушек.

Аргон усмехнулся, смахнув с подбородка ком грязи, и в этот момент в его ноги врезалось что-то просто гигантское. Аргон потерял равновесие и рухнул в воду, а наружу вырвалась невероятно толстая змея размером с ястреба. Она распахнула пасть и зашипела так громко, что Нуба и Ксеон задрожали. Ксеон взмахнул двумя мечами и скомандовал:

– Нуба! Назад!

Нуба послушно укрылась за его спиной, а гигантская змея ринулась вперед. Ее клыки оказались прямо перед лицом Ксеона, как вдруг с рыхлого потолка на морду змеи упало несколько лиан, и он успел увернуться. Нуба достала из колчана Ксеона лук и стрелы, натянула тетиву и хотела выстрелить в змеиные желтые глаза, но едва успела прицелиться, как вдруг по ее руке поползла черная гадюка.

– Черт! – Девушка затрясла рукой. – Отвали!

– Стреляй же!

Нуба слышала, как над ее головой зашипела очередная змея, проворно обернулась и выстрелила. Стрела прибила змею к корявой лиане. Даже темнота не могла помешать Нубе. Она была лучшей в деревне. После Ксеона.

Неожиданно вокруг друзей появился огромный водоворот. Ксеон нервно осмотрел сужающийся круг и не сразу понял, что это не вода, а гигантский хвост. Он рванул вперед, пытаясь пронзить шею монстра мечом, но промахнулся. Его ладонь прошла по чешуе, и он взвыл от боли. Чешуя порезала кожу, будто острое лезвие.

«Где Аргон? – в панике думал Ксеон. – Почему его нет?». Водоворот кружился и бурлил вокруг путников. Гигантская змея шипела над головой. Из ее пасти воняло гнилью, падалью и смертью, а раздвоенный язык блестел от ядовитой слюны.

Ксеон поднял меч. Нуба натянула тетиву. Они приготовились к атаке, как вдруг перед ними показался Аргон. Он выпрыгнул из воды, рыча, будто дикий зверь. В его руке сверкнул острый клинок, который секундой позже оказался у основания змеиной головы. Предводитель покатился вниз, распарывая клинком брюхо монстра, и коричневое болото окрасилось в алый цвет.

– Живее, – тяжело дыша, приказал Аргон. Он стоял с опущенной головой среди окровавленной груды кишок. – К камню.

Друзья послушно понеслись к берегу и остановились только на твердой земле. Ксеон оперся раненой рукой о плиту, Нуба закрыла ладонями лицо, а Аргон смотрел на шипящих змей. По какой-то неведомой причине они не нападали, лишь вились вокруг мертвого тела монстра, а потом и вовсе исчезли в болотной гуще.

– Вы как? – спросил Аргон. Его лицо было испачкано кровью. – В порядке?

– В порядке.

– Нуба?

– Да. – Она нервно кивнула. – Дай мне минутку.

Минутки у них не было, но Аргон не решился спорить. Он вытер рукой подбородок, лоб и глаза. Они выжили, и только это имело значение. На каменной плите, о которую опирался Ксеон, были нарисованы чьи-то руки. Аргон раньше не видел рисунков речных людей. Он подошел к другу и положил ладонь на его плечо.

– Ты жив...

– Для человека, который не умеет плавать, ты довольно ловко выпрыгнул из воды.

– Сомневаюсь, что у меня был выбор. Сильно поранился?

– Пустяки. – Чешуя змеи глубоко порезала руку, но Ксеон отмахнулся. – Давайте побыстрее покончим со всем этим, ладно? Здесь отвратительно воняет.

Ксеон пошел первым, Нуба и Аргон последовали за ним. Троица шла по узкому темному туннелю, дыша друг другу в затылок. На лице Ксеона застыло недоумение. Почему никто не пытается их остановить? Но он молчал, не собираясь задавать вслух вопрос, который волновал их всех.

Ксеон кое-как обмотал тканью раненую руку и сжал рукоять меча. Пальцы саднило, но он не обращал внимания. Когда Ксеон увидел впереди плавающий свет от факелов, он и вовсе позабыл о боли. Неожиданно прямо перед ним возник Аргон. Ксеон даже не понял, как это случилось.

– Нож.

– Что?

– Его надо убрать.

– Ты болотной воды нахлебался?

– Мы гости, – твердо сказал Аргон, шагнув вперед, – спрячь оружие.

– Ты только что этим оружием убил питомца Змеиных жриц!

– Я защищался.

– Считаешь, их это волнует?

– Мы не одолеем их, Ксеон, – Аргон начал заводится, – ни ты, ни я, ни Нуба – никто, и убить нас ничего не стоит. Мы пришли за советом, а не за врагами. Сделай, как я говорю.

– Прийти в логово жриц безоружными глупо, – зарычал Ксеон, – нас могут убить, и я это прекрасно понимаю. Но если я и умру, то не по собственной глупости.

– Просто убери его, – устало попросила Нуба. Она опустила его руку, сжимающую нож, и кивнула на проход в ущелье. – Все скоро закончится.

– Да. Закончится. Потому что нас убьют.

– Никто не умрет, – бросила она. – Пожалуйста, давай поскорее с этим покончим.

Ксеон недовольно фыркнул, но спрятал клинок в ножны. У него в груди горело от злобы и растерянности, он не понимал, как можно прийти к противнику, превосходящему его в разы по силе, абсолютно беспомощным и уязвимым. Но у друзей был план, *глупый план*, по его мнению, с которым тем не менее приходилось согласиться.

Огромное ущелье светилось перед их лицами. Что их ждало впереди? Никто не догадывался, но Ксеон неожиданно почувствовал, что сегодняшний день изменит многое. Он в очередной раз посмотрел на спину Аргона и прикрыл глаза: скоро станет легче.

Аргон

Аргон первым вошел в большое помещение, где по стенам ползали шипящие змеи. В десятке метров перед ним появилось возвышение, на котором под тусклым и переменчивым светом стоял трон из человеческих костей. На нем сидела Змеиная жрица. Ее кожа отливала льдом, кровавые глаза смотрели прямо на него. Предводитель не знал, что сказать, но решил, что молчать не стоит. Однако едва его рот раскрылся, рядом плеснула вода, и на землю опустило острые локти уродливое создание.

– Черный Ястреб! – захохотала мертвая девушка с угольными глазами. Ее тело, как и руки и лицо, было покрыто трупными пятнами. – Пришел за добычей!

Аргон запнулся. Никогда прежде он не видел ничего подобного, а девушка зашипела и прыгнула обратно в вязкую воду, взмахнув острым, как игла, хвостом. Юноша стиснул ладони и вновь посмотрел на главную ведьму. Она не отрывала от него глаз.

– Я Аргон из Дамнума.

– В Дамнуме принято убивать гостей?

– Нет, – осторожно ответил он.

– А жителей?

Ксеон встал рядом с Аргоном и ответил вместо него:

– Тоже нет.

Ведьма посмотрела на свои длинные черные когти и нахмурила потрескавшийся лоб. С него посыпалась пыль. Внезапно на свет вышла еще одна ведьма, которая так посмотрела на Аргона, что у него перехватило дыхание. Ее невероятно голубые глаза завораживали и пугали одновременно. Аргон почувствовал на плече ледяные пальцы Нубы. Он покосил на нее глаза и прошептал:

– Не бойся.

– Не бойся? – рявкнула Змеиная жрица. Аргон медленно приподнял подбородок, а ведьма уже неслась к нему, оскалив зубы, торчавшие из-под верхней губы, словно клыки. Троица попятилась назад, но ведьма не останавливалась. Она замерла прямо перед лицом предводителя, и ее алые, как кровь, глаза прожгли его ненавидящим ледяным взглядом. – Тебе стоит бояться, Аргон из Дамнума!

– Я не собираюсь вас бояться. Я пришел за советом.

Женщина щелкнула челюстями прямо перед его носом, а затем отпрянула назад и закатала глаза. Она двигалась дергано, рывками. Черная слизь скатывалась по ее лицу из глубоких трещин. Ведьма исподлобья изучала Ксеона, потом Нубу. Ухмылка растянула гнилую кожу на ее уродливом лице.

– Они пришли за другим.

– Хуракан из Дамнума предвидел смерть Калахара, – проговорил Аргон, проигнорировав слова жрицы. – Он сказал, скоро явится Лаохесан.

– Старик прав.

– Огненный всадник возродится?

– Зачем ты задаешь вопросы, ответы на которые и так знаешь? – Ведьма обернулась и хрустнула плечами. Ее черное одеяние ниспадало до земли рваными кусками, будто бы человеческая сгнившая плоть. – Ты здесь не за этим.

– Да. – Аргон втянул горячий воздух. – Я должен попасть в Ордэт, чтобы узнать, как одолеть Лаохесана и уберечь Калахар от гибели. Вы ведь не ответите мне на этот вопрос?

– Нет, этого мне знать не дано. Но с чего я вообще должна помогать тебе?

– Лаохесан уничтожит и Эридан. Черные Топи не станут исключением.

– Какой умный мальчик. – Ведьма утробно хохотнула. – Так значит, ты пришел, чтобы спасти меня и моих жриц? Морейн, подойди ближе. Тебе понравится!

Голубоглазая женщина молниеносно оказалась рядом. Аргон не успел опомниться, как ее костлявые пальцы сжали его запястье. Он попытался отступить назад, но не смог. Ведьма приблизилась к его лицу, и Аргон оказался в ловушке бирюзовых глаз. Уродливое лицо излучало странный свет. Красные змеи шевелились в волосах, шипели и ползали по серой коже жрицы.

– Ты это видишь? – отвратительным голосом воскликнула главная жрица и громко расхохоталась. – Сегодня к нам пожаловал сам Аргон из Дамнума! Сам сын Бригиды и Эстофа! А вместе с ним молчаливые рыбы. Ну, только одна.

Жрица одним прыжком оказалась рядом с Ксеоном и вдохнула запах его кожи.

– Ты ведь не такой тихий, каким стараешься казаться.

Аргон хотел кинуться к другу, но толстый коготь женщины, сжимающей его руку, вдруг вонзился в вену на его запястье. Предводитель округлил глаза от боли, а ведьма внезапно перевернула его ладонь, и капля крови с глухим стуком упала на пыльную землю.

– Потом... скажешь... спасибо... – тихо прошипела она и стремительно отошла назад.

Аргон в недоумении посмотрел ей вслед. Что она имела в виду? Он побрел было за ней, но остановился, когда заговорила главная жрица:

– Я помогу вам. Но ты заплатишь.

– Заплачу за что?

– За преступление.

Молодой предводитель с непринужденным видом присвистнул:

– Я совершил много преступлений. За какое же вы собираетесь меня судить?

– За то, которое причинило мне боль. – Ведьма взмахнула рукой, и в пещеру вошли десятки высоких ведьм с шипами на головах. Они тянули за поводья двух ястребов. Птицы кричали и сопротивлялись, но их крылья были спутаны силками из толстых змей.

Сердце Аргона ухнуло в пятки, он почувствовал, как холод прокатился вдоль позвоночника. «Нет». Крики ястребов отдавались в ушах. Нуба завопила во весь голос и кинулась вперед, но Ксеон схватил ее за плечи.

– Тише.

– Нет! – вновь крикнула она. – Не надо, прошу, не надо!

Змеинная жрица не удостоила ее взглядом. Она поднялась на возвышение, села на трон и положила уродливые бледные руки на черепа. Ее алые глаза пылали ненавистью.

– Вы убили моего Змея.

– Мы защищались, – сквозь стиснутые зубы прорычал Аргон и шагнул к ведьме. – Мы бы не причинили ему вреда, но он пытался нас убить. Мы бы не...

– Вы сделали это, – прошипела ведьма.

– Я сделал! Наказывайте меня. Не их.

– Думаешь, ты можешь сегодня умереть?

Жрица оскалилась, но Аргон смело шагнул вперед.

– Мой ястреб... – Птица дико закричала, и лицо Аргона перекошило от боли. – Он не виноват, ни в чем не виноват, как и ястреб моей подруги. Вы хотите суда? Так судите.

– Аргон... – воскликнул Ксеон, но тот только отмахнулся.

– Я перед вами. Я убил Змея! И я разрезал его брюхо. Судите меня, а не тех, кто со мной пришел. Они не виноваты. Они не совершали преступления.

Пальцы Аргона сжались в кулаки, он затаил дыхание в ожидание реакции ведьмы. Но вместо эмоций увидел пустоту. Женщина не повела и бровью, в ее глазах не промелькнуло ни капли сочувствия. Она расправила плечи.

– За боль отвечают болью.

– Вы совершаете ошибку.

– Нет, – скрипучим голосом протянула жрица, – я оказываю тебе услугу, – жуткий оскал омрачил ее лицо, и она утробно усмехнулась, – я наказываю не их. А тебя.

Она прищурилась, и в следующую секунду одна из ведьм замахнулась и перерезала горло сначала одному ястребу, потом второму. Кровь фонтаном брызнула из горла птиц.

Аргон в ужасе застыл, а Нуба закричала и закрыла ладонями лицо. Ее ноги подкосились, глаза наполнились слезами. Она едва не рухнула, но Ксеон поддержал ее.

Стиснув зубы, он посмотрел на Аргона и позвал его. Но тот не шевелился. Он смотрел на своего черного ястреба, захлебывающегося кровью. Его лапы дергались, глаза закатывались вновь и вновь. Сердце молодого предводителя неистово горело и разрывалось от боли, и когда птица умерла, умерло что-то и у него внутри.

– Люди платят, – жестким голосом прогремела ведьма. – Ты должен привыкнуть.

Аргон перевел безумный взгляд на жрицу и почувствовал, как ненависть туманит рассудок, подчиняет его себе. Он не знал, хватит ли у него сил сдержаться, но... внезапно закрыл глаза. Его пальцы разжались. Кем он был в эту секунду? Был ли он вообще кем-то?

– Ты еще очень многое потеряешь, Аргон из Дамнума. Поверь мне.

– Хорошо, что вам терять нечего. – Юноша открыл глаза. – Потому что я вернулся бы за тем, что вам дорого, и отнял это у вас.

Черная ведьма растянула губы в животном оскале, поклонилась, словно принимая его вызов, и сжала пальцами черепа. Неожиданно в земле появились три маленькие дыры и из них выползли смертоносные гадюки.

– Слушай, пока говорят. Смотри, пока показывают, – продолжила жрица. Гадюки направились к гостям. Одна из них поднялась по ноге Ксеона, другая обвила талию Нубы, третья поднялась к шее Аргона и зашипела прямо около его уха. – Вот вам тайна, которая откроет двери Ордэа.

Женщина зашипела, и змеи выпустили клыки. Они одновременно укусили всех трех путников, и земля для них испарилась, превратившись в серую дымку. Друзья будто провалились в сон. В этом сне жрица стояла перед ними в образе невероятно красивой женщины, облаченной в белое шелковое платье, развевающееся от невидимого ветра. Ее каштановые кудри водопадом стекали по плечам и спине, на голове покоилась сверкающая диадема, украшенная блекло-голубым жемчугом. Женщина стремительно подлетела к друзьям и заговорила:

– Потерянный наследник жив. Сын, которого считали мертвым, ходит по Калахару, и именно он занесет клинок над огненным всадником, чтобы вновь объединить земли.

Женщина ласково улыбнулась. От нее исходило яркое серебристое свечение. Жрица подняла руку и неожиданно прикоснулась кончиками пальцев к лицу Нубы.

– Что вы... – Нуба не успела отстраниться. Она посмотрела в глаза ведьмы и внезапно очутилась в ловушке пронзительного взгляда. Ведьма плакала, а ее слезинки катились вниз и превращались в жемчужины.

– Прости, – прошептала ведьма.

– За что вас простить? – Дым поднимался, ветер усиливался. – За что? Скажите! За...

Яркий свет неожиданно погас. Земля вновь появилась под ногами.

Когда путники открыли глаза, они снова были перед темным туннелем из лиан. Ксеон в растерянности вскочил на ноги, провел ладонями по телу и со свистом откинул назад голову. Он выжил! Он выбрался из змеиной ловушки!

Аргон такой радости не испытывал. Он неподвижно стоял на коленях перед болотом и слышал крик ястреба. Слышал, как тот молил о помощи. Этот громкий и душераздирающий крик... Аргон зажмурился.

– Вставай. – Ксеон подошел к другу и поднял его. – Ты не виноват.

– Я в порядке.

– Мы могли и не выбраться оттуда. Но мы здесь, и мы живы.

– Знаю.

– Тогда посмотри на меня.

Их глаза встретились. Для Ксеона всегда было важно, чтобы Аргон чувствовал его поддержку. В такие моменты ему казалось, что у него хорошо получается быть частью клана Утренней Зари.

– Мы живы.

– Живы.

– Продолжим путь в Ордэт, а потом вернемся домой.

– Ты прав. Прости. – Аргон провел ладонями по волосам. – Прости.

– Мне жаль. – Ксеон похлопал его по плечу. – Если бы мы знали, что так будет...

– Я должен был предвидеть.

– Ты приручаешь птиц, а не смотришь в будущее.

Аргон коротко кивнул. Он перевел дух, огляделся и внезапно заметил Нубу. Она все еще лежала на земле и странно дышала. Аргон нахмурился.

– Нуба? – Он медленно подошел к ней. – Ты чего? Все в порядке?

Аргон перевернул подругу на спину и увидел, как из ее рта вытекает белая пена. Нуба затряслась в судорогах, зарычала, осматривая сумасшедшим взглядом небо.

– Великие духи, – воскликнул Ксеон, – что с ней! Что это с ней?

– Нуба!

– Она вся дрожит!

Аргон в ужасе вытаращил глаза. Он резким движением перевернул Нубу набок и раскрыл ее рот пальцами. Пена потекла по земле. Нуба кричала, как животное, у которого не получается вдохнуть воздуха, ее всегда розовые губы посинели.

– Нет-нет-нет, – быстро заговорил Аргон не своим голосом, – ничего с тобой не случится.

– У нее приступ?

Аргон, не ответив, стянул с нее толстую накидку и разорвал рубаху. Он нервно осматривал ее тело, не понимая, что послужило причиной судорог, и внезапно заметил две маленькие ранки под мышкой. Укус черной гадюки. Вокруг красных точек почернели вены, и от них паутиной расползались тоненькие синие кровеносные сосуды.

– Куда тебя укусила змея?

– Что?

– Куда тебя укусила змея?!

Ксеон растерянно стянул кожаный ботинок и задрал штанину. Аргон посмотрел на его ногу и вскинул брови – раны почти затянулись. А вот кровь Нубы кипела. Она пульсировала и отвергала яд, как будто ее укусила совсем другая змея.

– Аргон, – внезапно позвала Нуба сквозь всхлипы. Она так крепко сжала его пальцы, что они заныли от боли, – п-прости мен-ня.

– Что ты несешь? За что простить?

Юноша в панике огляделся, но не мог сосредоточиться. Аргон понятия не имел, что ему делать. Боль душила, сердце барабанило по ребрам. Внезапно Нуба застыла.

Аргон со свистом вздохнул.

– Эй, – он притронулся пальцами к ее холодным щекам, – ты чего?

Ксеон ошарашено отполз в сторону.

– Нуба? Пожалуйста, посмотри на меня. Давай, все хорошо, я держу тебя за руку. – Нуба не шевелилась. Ее карие глаза невидяще смотрели вверх. – Ты же не... Я держу тебя за руку. Эй, Нуба... Нуба!

Аргон порывисто согнулся, ударившись лбом о ее подбородок. Он втянул воздух и почувствовал, как внутренности вспыхнули огнем. Юноша раскачивался, шепча ее имя, но она не слышала, лежала беспомощная и потерянная. Было ли у нее плохое предчувствие? Знала ли

она, что скоро умрет? Аргон зарычал, словно дикий зверь, и без сил поник рядом с другом. Ксеон коснулся дрожащими пальцами лица Нубы и закрыл ей глаза. Он зажмурился и мертвым голосом прошептал:

– Да пребудут с тобой Великие духи.

* * *

Они шли уже много часов. Болота Эридана давно остались позади. Ноги с трудом шевелились, разговаривать совсем не хотелось. Они минули Северные ворота и встали перед выбором – отправиться домой или в Ордэт.

– В Ордэт! – прогремел Аргон, и Ксеон не стал спорить.

Они сожгли Нубу, как того требовал обычай, и развеяли ее прах по западному ветру. Стоило отнести тело в Дамнум, но Аргон и Ксеон понимали, что у них не хватит сил. Им не было известно, сколько времени займет путь, а значит, брать с собой лишний груз было глупо.

Лишний груз... Их лучшая подруга. Аргон брел по извилистой тропе, посматривая на небо, и чувствовал тяжесть в руках. Он давно не сталкивался ни с чем подобным. Перед глазами стояла испуганная Нуба, которая до последнего боролась и погибла в муках, и виноват в этом был он. Аргон привел ее в Черные Топи. Из-за него она умерла вдалеке от дома. Она умерла, умерла!

Как же адски жгло грудь. Аргон злился, не представляя, как унять разбушевавшийся ветер, ведь он жил в мире без смерти. Люди рискуют и выживают. Они не уходят, они от него никуда не уходят. Так почему ушла Нуба? Как это случилось? Как он это допустил?

– Аргон, – позвал его Ксеон и кивнул в сторону высокого холма, – там дым.

Юноша поднял голову и увидел черный дымный столб. Кто-то разжег костер рядом с границей Эридана. Путники находились уже на землях Вудстоуна и не представляли, кого из жителей занесло на север страны, если Станхенг располагался южнее, а Арбор и вовсе прилегал к берегу океана.

Аргон и Ксеон без лишних слов решили разведать, с кем имеют дело. Они забрались на холм, спрятались под густыми пахучими кустами и устроились на небольшой лагерь. Ни гербов, ни серебряных доспехов. У костра сидели рослые бородатые мужчины, при этом головы у них были абсолютно лысые, испещренные глубокими шрамами. Такой обряд проводился лишь в одном месте Калахара, и Аргон прекрасно знал, в каком именно. Едва мальчишкам исполнилось четырнадцать, их брили наголо, а потом главный знахарь вырезал клинком круг на коже головы в знак вечности и круговорота жизни.

– Это не Каменные Сердца. – Ксеон покосился на друга.

– Туда посмотри. – Аргон кивнул в сторону палаток, где у телег стояли привязанные огромные рыжие соколы. – Это клан Диких Шакалов Ровена.

– Я понял уже. Что их сюда занесло?

– Ты сам говорил, что они лишились дома.

– Но тут человек тридцать.

– Значит, покинуть Дамнум решили не все. Или это те, кто остался в живых. – Аргон выпрямился и посмотрел на Ксеона. – С ними опасно связываться, они себя не контролируют.

– Но мы не спали нормально двое суток и не ели.

– Уже забыл, что летающие люди не помогают другим летающим людям?

– Бесплатно не помогают. – Ксеон поравнялся с другом и достал из кармана мешок с десятками золотистых толий. – Я надеялся, что мне не придется их тратить. Но, видимо, у нас нет выбора. Передохнем одну ночь и продолжим путь.

Юноша согласно кивнул. После всего случившегося ему хотелось просто уснуть.

Аргон не отличался чувством такта, и потому, как только они с Ксеоном спустились с холма, поднял перед собой руки и пробормотал:

– Не вставайте, мы не причиним вам вреда.

Мужчины одновременно обернулись и тут же потянулись к оружию.

– Что за смазливая баба пытается с нами поговорить? – громко воскликнул грозный коренастый вожак с темной бородой и оскалил пожелтевшие зубы. Наверное, он посчитал свои слова смешными, но Аргон с ним не согласился. Он ловким движением вынул из кармана клинок, приблизился к незнакомцу и выставил лезвие перед собой.

– Эта смазливая баба – Аргон. Сын Эстофа, предводителя клана Утренней Зари.

– Из Дамнума?

– Из Дамнума.

– Вот это гости!

– Оскорбленные гости. Мне убрать нож или сначала отрезать твой вонючий язык?

Ксеон напрягся. Он смотрел на них сосредоточенным взглядом, а Аргон придвинулся к своему пленнику еще ближе. Он знал, что нельзя пропускать такую шутку мимо ушей. Он должен был бросить вызов, чтобы отвоевать себе место.

Вожак распрямил плечи и оказался на две головы выше Аргона, но его это не пугало. Он справлялся с противниками и похуже.

Ксеон сделал шаг и бросил к ногам бородатого мужчины мешок с деньгами.

Повисла звенящая тишина. Дым от костра плавал в воздухе и стлался под ногами. У Аргона затекли пальцы, но он упрямо стоял перед громилой, не собираясь сдаваться.

– Значит, сынок Эстофа, – прохрипел вожак и неожиданно усмехнулся. Из его рта так несло, что у Аргона зашипало глаза. – И что ты забыл здесь?

Они одновременно опустили плечи и отошли друг от друга.

– Решал... проблемы.

– А это кто?

– Мой соратник. Ксеон.

– Далеко же ваши проблемы забрались. – Вожак поднял мешок с толиями, уселся на поваленное дерево перед горящим костром и, кивнув, пригласил их сесть рядом. Остальные, опустив головы, продолжили жадно отрывать мясо от костей. Вокруг стояла тишина, лишь трещал треугольный костер. Маленькие палатки окружали его, будто защищая от ветра. – Куда плететесь? Домой возвращаетесь? Почему же не на знаменитых ваших фиэнде-фиэльских ястребах?

Аргон стиснул зубы и посмотрел на свои сплетенные в замок пальцы.

– Проблемы оказались серьезнее, чем я предполагал.

– А вы здесь что делаете? – спросил Ксеон, поспешив сменить тему. – Разве вам не нужно сейчас быть в Дамнуме и восстанавливать разрушенные дома и хибары?

– Наши хибары провалились в Тартар, – рявкнул бородатый дикарь. – Остались лишь духи, верующие в милосердие Алмана. Кстати, твой отец тоже в него верит.

– Это вряд ли, – глухо отозвался Аргон.

– Сегодня утром неуловимый Эстоф отправился в Арбор на поклон.

Аргон нахмурился. Он знал о планах отца, но не ожидал, что тот пойдет на уступки так быстро.

– Наверняка у него были причины поступить подобным образом.

– Или же твой отец непроходимый болван и трус.

Аргон прищурился и уже готов был кинуться на наглеца, но взял себя в руки. Не сегодня и не сейчас.

– Мы останемся с вами на одну ночь, – сказал он, – и уйдем завтра.

– Да оставайтесь ради бога. Все мое – ваше. – Вожак ядовито усмехнулся. – Мы теперь в новом мире живем.

– В смысле? – не понял Ксеон.

– Раньше поднять друг на друга руку боялись, а теперь все паршивое уже случилось! Спасибо Алману Многолетнему! Седовласой крысе, нарушившей клятву. Так что теперь я даже колебаться не буду, если придется перерезать вам горло. Потому не будем ссориться, верно? – Вожак оторвал зубами жесткое мясо и ухмыльнулся. – Иначе...

Фьорд

Солдаты Вольфмана Барлотомея прибыли на рассвете. Их серебряные латы блестели в тусклых лучах утреннего солнца, ветер развеивал черные гривы статных лошадей. Никто в Эридане раньше лошадей так близко не видел, да и солдат тоже. Рукояти мечей торчали из ножен, а железные перчатки сжимали поводья. Речные люди с тревогой и восхищением изучали гостей, не представляя, как много суждений и традиций их разделяет.

Атолл встретил гостей пышным пиром, но те от еды отказались. Фьорд с досадой посмотрел на молодого командира с густой светлой шевелюрой и поспешил уйти с главной площади. Кто откажется от совместной трапезы перед дорогой? Только невежа, для которого порядки, принятые в Эридане, недостойны внимания.

Фьорд поднимался по ступеням горного замка, потирая пальцами подбородок. Он не мог прийти в себя после того, как отец рассказал ему об отъезде Эльбы. Не мог смириться с тем, что его сестру выдавали замуж за умирающего наследника-чужака. Все это казалось ужасно несправедливым, но, впрочем, как и всегда, Фьорд не стал спорить с отцом. Раз уж Атолл Полуночный согласился отослать любимую дочь в чужую страну, значит, у него и вправду не было выбора.

И тем не менее Фьорд чувствовал себя гадко. На свете было мало людей, к которым он тянулся. Отец, Рия и даже своенравная Эльба – все они являли собой нечто воистину важное. Но теперь Эльбу изгоняли. К каким последствиям это приведет? Что ждало сестру в замке Станхенга? Каким был Вольфман? А его радеющая мать – леди де Труа? Выживет ли Эльба в совершенно новом мире?

Фьорд боялся, что его безумные подозрения сбудутся и на долю сестры выпадут испытания, из-за которых они больше никогда не увидятся.

Фьорд зашел в покои сестры без стука. Три молодые девушки вились возле Эльбы и поправляли ее голубое платье, юбка которого переливалась серебром, будто чешуя рыбы. Эльба заметила отражение брата в зеркале. Ее глаза излучали обиду, такую же глубокую, как Лазурный океан Калахара.

– Я почти готова, – отрезала она, – можешь не переживать.

– О чем не переживать?

– Ты ведь думаешь, что я сбегу. – Эльба обернулась, взмахнув воздушным подолом, и расправила плечи. – Так вот, бежать мне некуда. Мой дом – больше не мое убежище.

Она опустила голову и подошла к окну. Ей хотелось в последний раз посмотреть на просторы Эридана, на гигантские водопады и горы. Эльба не представляла, как будет жить без грохота бурлящей воды. Она искоса посмотрела на брата, но сил проститься с ним не было. Упрямо сдерживая нахлынувшие слезы, она прошептала:

– Можешь быть счастлив. Мне так больно, как никогда еще не было.

В груди Фьорда бушевал пожар, и он сказал девушкам:

– Оставьте нас.

Они послушно покинули просторные покои. Лишь каменные стены, кровать да широкое окно. Ничего лишнего. Эльбе нравилась свобода.

– Все будет хорошо, – отстраненно пообещал Фьорд.

– Думаешь?

– Отец пытается избежать опасности.

– Он хочет, чтобы ее предотвратила я. – Эльба отвернулась, и ее черные как смоль волосы рассыпались по плечам. Она стиснула пальцы. – Но знаешь, я не удивлена.

– О чем ты?

– О тебе.

Эльба посмотрела на брата пронзительным взглядом, и Фьорд почувствовал, как в груди защемило. Блестящие глаза сестры были полны отчаяния, и он не мог на нее смотреть, не чувствуя себя ужасным предателем.

– Это решение отца. Неужели ты думала, что я буду с ним...

– О, нет, – Эльба вдруг усмехнулась, – о таком даже Пифия не стала бы просить. Мы с тобой прекрасно понимаем, что перечить отцу – не твой конек.

Фьорд оскорблено прищурился.

– В тебе говорит злость.

– Разве? – Девушка повернулась к брату и застыла. Ей нельзя было показывать испуг. Нельзя. Нельзя! Слезы готовы были побежать по щекам, плечи вздрагивали от холодных порывов ветра. Ей хотелось кричать во все горло, но она была слишком гордой. – Нам пора идти.

Эльба накинула тонкую вуаль, которая полностью закрыла ее лицо. *«Возможно, вуаль придумали для того, чтобы скрывать слезы»*, – подумала она и направилась к двери, Фьорд сглотнул колющий ком в горле. Как он мог помочь? Что мог сказать? Он перевел дух и пошел следом за сестрой.

Люди всегда беззащитны пред волей богов. Осталось лишь признать это и найти в себе силы жить по их правилам. Раньше Фьорд думал, что у него получается, но сегодня уверенности в этом не было.

На площади перед горным замком мужчины били в барабаны. Их бой разносился по Эридану, будто раскаты грома. Женщины в тонких одеждах танцевали перед мостом. Они ждали Эльбу, выкрикивая ее имя, растягивая его, словно пленительную песнь. Девушке предстояло пересечь реку, чтобы получить благословение самой старой знахарки Эридана. Раньше ни одна Полуночная не покидала родного дома, и жители волновались, беспокоя и пробуждая недра океана. На поверхности воды появились первые бурлящие гребни, волны бились о берег, словно крича от боли, и Эльба слышала их стон, шагая по деревянному мосту. У нее больше не было сил притворяться, и она плакала вместе с океаном, но сквозь светло-голубую вуаль этого не было видно.

Фьорд шел за сестрой, не поднимая глаз. Он смотрел на подол платья, скользящий змеей за ее ногами, и прерывисто дышал. Почему виски горели, а руки била дрожь? Фьорд прекрасно понимал, что теперь во вражде не было смысла. Эльба займет место рядом с Вольфманом Барлотомеем, а он наконец станет единственным наследником, достойным Эридана. Все складывалось как нельзя лучше! Почему же ему так хотелось прекратить это торжество?

Эльба остановилась перед низкорослой морщинистой женщиной, грудь и бедра которой едва прикрывали две тонкие тряпки. Знахарка потянулась к лицу девушки и улыбнулась, открыв беззубый рот. Она посмотрела в ее глаза.

– Эльба Полуночная, дочь Атоллы Полуночного, дочь вождя и Змеиной жрицы. Чему ты научилась и что расскажешь мужу? Какая ты есть и какой рядом с ним будешь? Я уже плохо помню твою мать, но помню тебя, твой первый вдох и первый крик. – У женщины заискрились глаза. Она приподняла вуаль и накинула ее поверх своей головы, и теперь первая красавица Эридана глядела в глаза самой старой женщины Дор-Валхерена. – Боишься?

– Нет.

Знахарка нахмурила морщинистый лоб и вытерла шероховатыми пальцами мокрые дорожки слез на щеках Эльбы. Женские песни не утихали, музыка прорывалась сквозь ткань, сквозь время. Эльба судорожно вдохнула запах океана, а знахарка скривилась.

– Их цель – это наша цель. – Она ударила кулаком по своей ладони. – Ноги, голова и руки. Все это у них есть. Но воля... она здесь, – она ткнула Эльбу в грудь, – будь сердцем.

– Чьим сердцем?

– Сердцем мужчины.

Эльба в недоумении прищурилась, а знахарка с сожалением поджала губы. Ее голос неожиданно стал совсем тихим и хриплым:

– Мы не выбираем тропу. Мы лишь оставляем на ней следы. Иногда приходится ступать по чьим-то следам, потому что по той тропе проходили уже многие. А порой приходится пробивать свой путь. – Женщина обхватила хрупкое лицо девушки ладонями. – Ты будешь первой, Эльба. И даже если ты не хочешь быть сердцем Вольфмана, стань сердцем Вудстоуна.

Эльбу душили рыдания, но она зажмурилась и кивнула. Из ее глаз полились слезы, и знахарка неожиданно тоже заплакала. Она смахнула слезы со своего лица и провела мокрыми пальцами по щекам молодой речной нимфы.

– Я благословляю тебя. – Они посмотрели друг на друга. – Жизнь приходит и уходит, но имена остаются навечно. Пусть имя Эльбы Полуночной странствует по океану столько, сколько дышит народ Калахара.

Эльба

Рия не вышла попрощаться.

Атолл подошел к старшей дочери, но она даже не взглянула на него.

Первые несколько часов пути Эльба думала лишь об этом. Почему Рия не поборолла обиду и не вышла из замка? Почему она, Эльба, не поборолла обиду и не простилась с отцом?

Полуночные славились упрямым нравом. Но раньше Эльба не обращала на это внимания.

Ехать верхом было невероятно тяжело. Девушка постоянно сползала с седла, и ее лошадь недовольно покачивала головой. Фьорд тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Он не подавал виду, но Эльба видела, как побелели его пальцы, сжимающие поводья.

Вольфман послал семерых воинов за будущей королевой. Эльба подумала, что ему недостает щедрости, раз она достойна лишь семи стражей, но потом вспомнила об отце, который отправил с ней одного Фьорда. Интересно, это от самоуверенности или от глупости? Эльбу не покидало странное чувство тревоги, и она поглядывала по сторонам сквозь тонкую вуаль в поисках опасности. Ей стало совсем невмоготу, когда за спиной остались Северные ворота – древние плакучие ивы, ветви которых сплетались высоко в небе толстой аркой. Фьорд предлагал отправиться в Вудстоун коротким путем, через Южные ворота, но Атолл запретил приближаться к границе Арбора. По его мнению, там могли находиться солдаты Алмана, а встреча с ними закончилась бы кровопролитием.

За спиной Эльбы ехала большая неповоротливая телега. В ней везли дары Эридана – рыбу, сети, ожерелья из жемчуга и пресную воду. Воды в Станхенге было достаточно, но пресная вода Дор-Валхерена считалась святой. Даже люди Вудстоуна так считали, несмотря на свои предубеждения насчет религии и магии стихий.

Неожиданно лошадь дернулась в сторону и Эльба чуть не упала, но упрямо вцепилась пальцами в гриву, чтобы удержать равновесие. Капризная кобыла громко фыркнула.

– Миледи, ну что же вы делаете? – Рядом с Эльбой оказался молодой командир в лязгающих доспехах. – Она так и вовсе вас сбросит.

– Я с удовольствием продолжу путь пешком.

– Пешком идти долго.

– Но тогда я хотя бы останусь в живых.

Фьорд усмехнулся, покачав головой, и Эльба недовольно покосилась на него. Она не собиралась разговаривать с братом, но все-таки не сумела сдержать поток искренней злости, бурлящий внутри, и спросила:

– Может, мне нарочно с нее свалиться, чтобы поднять тебе настроение?

– Тогда мне тоже придется слезть, чтобы поднять тебя.

– Так сказал отец или ты сам решишь мне помочь?

Фьорд только стиснул зубы. Эльба отвернулась.

Речная нимфа совершенно не понимала, куда направляются стражи Вольфмана. Они плутали среди бесчисленных величественных холмов, и Эльбе казалось, что она тонет в жутком кошмаре. Какой бы красивой ни была земля, каким бы голубым ни было небо, она ехала в клетку, которую для нее выстроили обстоятельства и родные люди.

Неожиданно кто-то чихнул. Фьорд повернулся к сестре и поинтересовался:

– Тебе холодно?

– Мне? Я не... – Эльба настороженно нахмурилась. – Это была не я.

– Но кто тогда? Это явно была женщина.

Фьорд замолчал. Солдаты дружно обернулись. Все уставились на телегу с дарами из Эридана и замерли, позволяя ветру кружиться вихрем над их головами.

Командир решительно спрыгнул с лошади.

– Пойдите! – Эльба неуклюже сползла вниз и коснулась ногами земли.

– Не двигайтесь, миледи.

Нимфа не собиралась его слушать. Она отряхнула с рук пыль и последовала за командиром, как вдруг перед ней вырос Фьорд.

– Тебе же сказали не двигаться, – недовольно бросил он, – почему бы просто не послушать?

– А почему я должна его слушать? Потому что он носит доспехи? Потому что он так грациозно сидит в седле? Или, может, потому что он мужчина?

– Потому что опасно разгуливать там, где тебе...

Эльба обошла Фьорда и побрела за стражами к телеге. Брат уже собирался было схватить ее за плечо, но она обернулась и отрезала:

– Не смей.

– Эльба, пожалуйста, прекрати.

Она не хотела прекращать. Не могла. Они выгнали ее. Продали. И брат молчал, как будто ему нечего было сказать. Возможно, все они были правы. Возможно, на это ее обрекли предки и в том были ее честь и призвание. Но они могли хотя бы притвориться, что у нее есть выбор. Она бы выбрала правильно, она бы уехала! Но уехала бы по собственной воле, и это было бы решением свободного человека, а не вынужденной мерой.

Стражи выхватили мечи и направили их на телегу. Они медленно подходили, пока не остановились совсем вплотную. Командир резко потянул на себя толстую ткань, прикрывающую крышу.

– Стойте! – послышался высокий испуганный голос, и клинки застыли в воздухе. Лица Фьорда и Эльбы вытянулись. – Не надо!

Эльба изумленно вскрикнула:

– Рия?

Младшая дочь Атоллы Полуночного спрыгнула с телеги и отряхнула платье от пыли. Она виновато нахмурилась, как делала всегда, когда попадала в неприятности, и скрестила на груди тонкие ручки. Ее выразительные темно-синие глаза сузились. Нахохлившись и неуклюжая, Рия стояла пред братом и сестрой и надеялась, что они не заметят ее карманов, набитых вырванными листами из священных книг Эридана.

– Только папе не говорите. Он точно не обрадуется, когда узнает, что я сбежала.

– О боги... – Фьорд обессиленно опустил меч, запрокинул голову и взглянул на бирюзовое небо. Недовольство превратилось в гнев, который тут же погас. Он подошел к Рие и посмотрел на нее усталым взглядом:

– Отцу мы ничего не скажем...

– Правда?

– Да. – Фьорд положил руку на плечо сестры. – Ты сама ему обо всем расскажешь.

– Но я не...

– О чем ты только думала, Рия!

– Я в Ордэт хочу попасть. Там ведь столько книг! Чего ты злишься?

– Чего я злюсь?

– Ты не должна была убегать из дома, – вмешалась Эльба, приблизившись к сестре. – Отец будет волноваться. Надо вернуться.

– Да зачем возвращаться? – возмутилась Рия, отпрыгнув, будто дикая белка. Ее губы сомкнулись в плоскую линию. – Станхенг находится почти в часе езды от Ордэта. Я читала об этом в записях визиря. Оттуда рукой подать до огромной библиотеки. Такой больше нигде в Калахаре нет!

– Нужно было спросить разрешения у отца, – не сдержавшись, проревел Фьорд.

– Нужно было рот закрыть, когда чихнула, – проворчала Рия. – Я ведь не одна, я с вами. Доберемся до Станхенга, а потом я попрошу отвести меня в Ордэт.

– Кого попросишь?

– Тебя попрошу.

– Рия...

– Мы проехали уже почти половину пути!

– Ты... – Фьорд сжал пальцами переносицу и выдохнул. Почему у него были такие непослушные и упрямые сестры? Иногда он их совершенно не понимал.

– Безумие.

Фьорд пнул камешек на земле и отвернулся. Эльба не знала что сказать. Она перевела недовольный взгляд на младшую сестру и попыталась на мгновение представить, о чем сейчас мог думать отец.

– Ты повела себя глупо.

– Да я просто... – Рия стыдливо прикусила губу, – просто подумала...

– Нельзя так поступать.

– Я не хотела никого расстраивать, но тебя отправили в Вудстоун и все вели себя так странно. А мы ведь узнали, что Лаохесан возродится, Эльба! Нужно столько всего нового узнать, но у нас все книги старые. Поэтому мне показалось, что...

– Лаохесан? – фыркнул командир Каменных Сердец и спрятал клинок в ножны. – С чего ты решила, что он возродится? Это всего лишь легенда, малышка.

– А вот и нет.

Солдаты рассмеялись, и Рия упрямо вскинула подбородок.

– В Книге друидов говорится об огненном всаднике.

– А в этой книге не говорится, как превратить камень в золото?

– Нет.

– Тогда бесполезная она у тебя.

Солдаты вновь захохотали, а Рия обиженно насупилась. Она точно знала, что на страницах книг найдутся ответы на любые вопросы. Там говорилось, что друиды существуют. Именно они даровали людям магию стихий. Согласно записям Пелея Полуночного много столетий назад друиды покинули земли Калахара, разрешив человеческому роду управлять ими. Ходило поверье об античном городе Видере, где скрывались от людей эти древние существа. Поговаривали, что там не было смерти. Друиды наблюдали за своими созданиями издалека и иногда возвращались на земли Калахара, чтобы помочь своим детям встать на верный путь.

Рие казалось, что она наизусть выучила Книгу жрецов. Если бы ее попросили процитировать каждую первую строку новой главы, она бы ответила без запинки.

– Поворачивать назад глупо, – наконец сказал Фьорд и встретился глазами с Эльбой. – Мы проделали немалый путь, нужно продолжать двигаться в Станхенг, нас там ждут.

– Но как же отец?

– Отправим ему весть из замка.

– Отец будет волноваться.

– Он догадается, что Рия с нами. – Фьорд осмотрел изумрудные поля, край которых сливался с горизонтом, – куда она еще могла пойти? Народ Дор-Валхерена не причинил бы ей вреда. Навредить Рие может только она сама.

Девочка обиженно поджала губы, но ничего не ответила. Фьорд собирался взять ее с собой, остальное было неважно. Он редко расщедрился на похвалу или просто доброе слово, но выражал любовь по-своему, и Рия всегда ее чувствовала.

– Забирайся на лошадь, – сказал он, потянув сестру к себе. – С Эльбой я тебя не посажу, вы обе через пару шагов свалитесь.

– Отлично. Теперь ты нашел новую причину упрекать меня.

– Они сами меня находят.

Эльба закатила глаза, отвернулась и внезапно услышала странный свист. Девушка недоуменно прищурилась. Что это было? Она не могла приподнять вуаль, чтобы присмотреться к холмам, так как по обычаю это должен был сделать Вольман, когда она переступит порог его дома. Но Эльба чувствовала что-то неладное. Там... вдалеке... там кто-то был.

Острая стрела пронеслась у самого ее лица. Эльба ошарашенно отпрыгнула в сторону, вихрем обернулась и увидела, что из горла солдата сочится вязкая кровь. Он содрогнулся всем телом и рухнул на землю, подняв пыль.

– О боже мой! – завопила Эльба и вдруг услышала шум.

Десятки мужчин спускались с холма, вооруженные мечами и копьями. Они неслись на них, словно лавина, заставляя землю под ногами ходить ходуном. Эльба пятилась назад и едва не упала, запутавшись в собственном подоле.

– Иди сюда, – скомандовал Фьорд и дернул ее на себя. Каменные Сердца вынули мечи из ножен и выстроились перед ними, будто защитная стена. Брат решительно усадил Эльбу на лошадь, потом поднял Рию и помог ей взобраться.

– Что происходит? – Голова у Эльбы закружилась. – Кто это!

– Просто уезжайте, живее!

– Но...

– Эльба, – огромные глаза брата умоляли послушаться, – хотя бы раз...

Его голос дрожал. Его руки дрожали. Фьорд жутко боялся, но смотрел на сестру уверенно и бесстрашно. Эльба вцепилась в его ледяную руку.

– Я тебя не оставляю.

– Бегите.

– Я тебя не оставляю!

Фьорд ударил лошадь, та встала на дыбы, притопнула копытами и сорвалась с места. Эльба прижалась к ее шее, в растерянности оглядываясь назад. Воины Каменных Сердец и незнакомцы столкнулись в поле и взмахнули мечами. Хлынула кров, эхо стонов пронеслось над холмами и безжалостной стрелой пронзило сердце девушки. Рия обнимала ее за талию, а лошадь неслась все дальше и дальше. В какой-то момент Эльба поняла, что седло сползает набок.

– Нет, – взмолилась она, – нет, пожалуйста...

Они с сестрой медленно сползали вниз. Эльба попыталась выровняться, но вдруг перед лошадью появился человек. Он был самым жутким из всех, кого Эльба когда-либо видела. У него были уродливые черты лица, кривые зубы и лысина с десятком шрамов на макушке. Голые плечи были в крови, как и гигантский меч. Мужчина стоял перед конем, ухмыляясь, как прислужник Мораны.

Лошадь резко остановилась и, всхрапнув от страха, встала на дыбы, отчего девушки с криком рухнули на землю.

– Ну, что тут у нас...

Мужчина схватил Эльбу за ворот платья и поднял на ноги. Она дернулась в сторону, но дикарь потянул ее обратно и прижал к себе. Его глаза изучали перепачканное платье Эльбы, острие ножа прошлось вдоль ее живота и бедер, а потом он расхохотался и прижался носом к ее порванной вуали.

– Сладкая.

Омерзительный голос, казалось, пронзил Эльбу насквозь. Она попыталась вырваться, но почувствовала прикосновение ножа к животу.

– Рано тебе на тот свет отправляться.

– Отпусти мою сестру! – Рия подняла с земли камень и кинула его в мужчину, но промахнулась. Зато дикарь мгновенно устремил свои бешеные глаза на нее.

– Уходи! – закричала Эльба. – Сейчас же!

– Ты хочешь, чтобы я убил ее? – спросил дикарь у Рии, и та пугливо покачала головой. – Тогда пойдем с нами. Идем. Ровену понравится.

– Она никуда не пойдет.

– Не пойдет? А если... – Дикарь надавил лезвием на живот Эльбы. В ту же секунду голубую ткань окрасила тонкая струйка крови и Эльба вскрикнула от боли.

– Я пойду!

– Точно?

Рия быстро кивнула, вытирая слезы, и дикарь ухмыльнулся.

– Отлично.

Он потащил Эльбу обратно к деревянной телеге, туда, откуда Фьорд велел им бежать со всех ног. Эльба не могла нормально дышать. Она со свистом втягивала воздух и ошеломленно смотрела на окровавленную траву и трупы людей. Чем ближе к телеге, тем больше тел. Чем ближе к телеге, тем меньше самообладания и смелости. На лице Эльбы отразился вселенский ужас, когда она увидела светловолосого командира с гигантской дырой в груди. Что стало с Фьордом? Где он?

Эльба судорожно осматривалась в поисках брата. Она видела, как дикари лениво бродили вдоль окровавленного поля, обыскивая карманы убитых и доставая мешки с золотом и серебряные фляги. Девушка застыла, не понимая, что ей делать. Они оказались в плену у убийц. И рядом была Рия. Ее маленькая Рия.

Вдруг откуда-то послышались скрежет ножей и глухое рычание. Эльба подняла голову и заметила, как в нескольких метрах от нее испачканный в грязи и крови Фьорд пытается отбиться от нескольких мужчин. Они не воспринимали его всерьез, смеялись и кидались в круг по очереди, пытаясь навести больше ужаса.

– Фьорд! – Эльба стремительно бросилась вперед.

Фьорд увидел сестру и внезапно почувствовал себя совершенно беспомощным. Сестры не сумели спастись, они не убежали, они были здесь! Фьорд свирепо взмахнул мечом, сделал шаг вперед и тут же наткнулся на еще одного противника. Тот подставил ему ногу, и Фьорд неуклюже рухнул на землю лицом вниз.

– Прекратите! – срывающимся голосом закричала Эльба. – Прошу вас!

Один из мужчин заставил ее замолчать, впившись грязными пальцами в ее лицо. Он сорвал с нее вуаль и неожиданно замер. Его карие глаза вспыхнули изумлением и желанием. Мужчина застыл, сраженный ее красотой. Он прикоснулся к щеке Эльбы теплой ладонью и оставил кровавые полосы на ее нежной коже.

Он никогда прежде не видел подобной красоты. Даже обезумевшая от ярости Эльба была в разы прекраснее всех жен Дамнума вместе взятых.

– Не трогай ее, – поднявшись на ноги, пригрозил Фьорд. Он качнулся назад, но выставил перед собой меч. – Отойди от моей сестры.

– Сестры? – Вожак растянул губы в оскале. – Не повезло тебе иметь такую сестру.

– Я – Фьорд Полуночный. Сын Атолла Полуночного, вождя Эридана. Именем...

– Кого?

Фьорд сипло втянул воздух и расправил плечи:

– Именем моего отца... отпусти ее.

Стоявшие вокруг мужчины рассмеялись. Фьорд часто моргал, пытаясь избавиться от черных пятен перед глазами, а Эльба затаила дыхание. Наверное, это был тот самый Ровен, к которому ее должен был привести дикарь. Вожак обезумевших людей.

– Взгляните, сколько тут еды, – неожиданно воскликнул незнакомый голос. Дикари обернулись и посмотрели на рыжеволосого юношу, стоящего у телеги. Он махнул на корзины с рыбой и криво улыбнулся. – Хватит на месяцы вперед.

- Тут и жемчуг есть, – поддакнул ему еще один юноша.
- Давайте, помогите разобрать запасы. Потом с ними разберемся.
- Жемчуг...

Рослый коренастый мужчина с длинной бородой вновь посмотрел на Эльбу. Она с вызовом приподняла голову, и он осклабился, обнажив пожелтевшие зубы.

– Они говорят про жемчуг, потому что не стоят к тебе так же близко, как я. Они не видят, что я держу в своих руках. – Дикарь дернул ее на себя и приблизился так, что его губы едва не коснулись ее губ. – *Нимфа*... говорят, вы волшебным танцуете.

Эльба молчала. Она пыталась не дышать и не шевелиться, но сердце барабанило так громко, что звон стоял в ушах. Она упрямо хранила молчание, а уродливый мужчина наклонил голову.

- Нет? – Теперь он резко передернул плечами. – Станцуй для меня.

Эльба прищурилась. Ни за что на свете она не стала бы танцевать перед дикарями. Она проглотила главаря презрительным взглядом и снова ничего не ответила.

- Станцуй. Для меня, – повторил он низким голосом.

Эльба стояла выпрямившись и расправив плечи. Ногти впивались в кожу. Она не знала, сколько продлится этот поединок, но не собиралась сдаваться. Какими бы жуткими ни были ее враги, она дочь предводителя целой страны и не уронит честь и свое имя, даже если...

Дикарь резким движением вынул из-за спины клинок и прижал к ее горлу. Холодный металл обжог кожу.

- Танцуй!

Эльба смотрела на потную шею мужчины, его горбатый нос. Когда она вновь встретила с ним взглядом, дикарь щурил темные глаза. Он ждал повиновения, но в ловушку попала не та девушка. Эльба Полуночная была похожа на свою мать. И она была дочерью своего отца. Никто не смел ей говорить, что делать.

Эльба продолжала хранить молчание и не двигалась, предпочитая умереть, но не уступить. Неожиданно дикарь шмыгнул носом, грубо оттолкнул ее от себя и приблизился к Фьорду. Ничего не говоря, он схватил ее брата за волосы и резким движением откинул его голову назад. Клинок вновь сверкнул в его руке.

Одно движение.

Одна секунда.

Один взгляд.

Лезвие прошло по шее Фьорда и покрылось красными полосами. Эльба даже не поняла, что случилось. Из шеи ее брата вырвался фонтан багровой крови. Фьорд задергался в судорогах, его глаза закатились, и он упал.

Без слов. Без стонов.

Ее брат свалился навзничь и умер прямо у нее на глазах.

- Не-е-ет! – истошно завопила Рия и кинулась вперед. – Нет, нет! Фьорд! Нет!

Она упала перед телом брата на колени, а Эльба оцепенела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.